

разными вопросами. О язвительности его книги не могу сказать. Думаю, впрочем, что напрасно смеялся над ним. Ариэлли далеко пойдет, если побольше будет работать над своими стихами, а не спорить о Мережковском или Гиппиус. В этом отношении он может быть поддержан лишь Юрием, но не мной.⁵⁰ Я желал бы всего попроще. И те вопросы — богословие — которые так их волнуют — мне мало понятны» (л. 46–46 об.; письмо от 1 июля 1908 года).⁵¹

Удаленность от центра литературной жизни, с одной стороны, и вынужденная близость к семье Брюсова с другой, вероятно, явились поводом для рефлексии. В конце этого письма Нилендер делает примечательный рисунок: на нем, подобно профилям декабристов с обложки «Полярной звезды» А. И. Герцена, в окружность вписаны профили Садовского (на первом плане), за ним Сидорова, Соловьева и Нилендера. Эти изображения сопровождаются подписями и указанием дат — 1906, 1907, 1908 — времени тесного общения студентов-литераторов. Рисунок Нилендера в шуточно-дружественной форме конституирует существование литературной группы, которая зародилась в университетских стенах и развилась в редакциях журналов, на вечерах и собраниях литературных обществ, в общении друг с другом. Иерархия в расположении поэтов на рисунке Нилендера отражала распределение ролей: идеолог и организатор Садовской на первом плане; следом за ним Сидоров — многообещающий талант, чье творчество должно было стать воплощением поэтических идеалов группы; затем Соловьев, первопроходец на путях «нео-пушкинианства»; и, наконец, скромный Нилендер, реализовывавший эстетические установки группы преимущественно в своих филологических занятиях и переводческой деятельности. Скоростипажная смерть Юрия Сидорова разрушила наметившийся было литературный союз. Последующие письма Нилендера, тяжело переживавшего смерть друга, посвящены в основном вопросам университетской и личной жизни, проблемы собственного поэтического творчества автор больше не затрагивает.

⁵⁰ На интерес Сидорова к «неохристианству» Мережковских указывал Садовской: «Увлеченные идеями г. Мережковского, бывшего в то время одним из любимейших писателей Юрия, достигло тогда в нем наибольших пределов. На личности г. Мережковского были сосредоточены все надежды Юрия до самых последних месяцев его жизни. Надеждам этим суждено было окончиться глубоким разочарованием» (Садовской Б. Ледоход. Пг., 1916. С. 158).

⁵¹ Иллюстрацией этого периода жизни Нилендера могут служить фотографии из архива Брюсова, на которых Нилендер изображен в компании Bronиславы Матвеевны Рунт, Евгении, Лидии и Надежды Брюсовых в Андреевке (РГБ. Ф. 386. Карт. 123. Ед. хр. 38).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-144-172

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 2. Н. А. БЕРДЯЕВ В «ДНЕВНИКАХ» Т. Н. ГИППИУС (1906–1908)*

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Из «дневников» 1906 года

9 марта. «<...> Вернулись от Вяч. Иванова.¹ Был Булгаков и Волжский. Приехали из Киева на несколько дней.² Волжский³ потолстел, порозовел и весел. С Булгаковым вместе все. Бердяев председательствовал.⁴ Беседа о соединении искусства с рели-

* Продолжение. Начало см.: Русская литература. 2020. № 4. С. 218–233. Недописанные и сокращенные слова, чтение которых не вызывает сомнений, раскрываются без оговорок, имена собственные, сокращенные в авторском тексте не единообразно, раскрываются.

гией. Довольно изрядное томление. А В. Иванов очень хорош своей серьезностью. Бердяев тоже не в грусти. Мы были: Ремизовы, Кузнецов, я и Ната.⁵ Народ был неинтересный».

13 марта. «<...> Бердяеву я написала ваш адрес. И что вы о нем пишете.⁶ И сказала, чтоб зашел. Потому что раньше хотел прийти. <...> По-моему, Бердяеву писать вам <следует> кратко, но жизненно, потрясать, а не улегчать его. Без отвлеченности и заострений ума. Именно это-то и облегчает его. С<ерафима> П<авловна> рассказывала о нем и о Л<идии> Юдифовне».

15 марта. «Бердяев ничего не ответил и не пришел».⁷

23 марта. «<...> Да. Бердяев никогда своего Я не теряет. Ужаса не испытывает от возможности провала. Оттого и спасенья незачем искать. Повторяю это для уяснения окончательного».

14 апреля. «<...> Бердяевскую статью⁸ Кар<таш>ов вслух читал <...>. А о Бердяеве — печально и то, что говорит, — он говорить не смеет. Это можно повторять только, как и свое тоже. За него оскорбительно, за этот фейерверк слов, от него идущий (Евангелие подчеркивает). Нельзя так собой упиваться».

15 апреля. «<...> Вечером была у Н<атальи> Ивановны.⁹ Были Успенский, О. Дымов,¹⁰ Котлярев<ск>ие,¹¹ Бердяевы, Рем<изо>вы, Ива<н>овы (всяк со своим помпончиком!¹²). Сначала сидела (рано пришла), чай пила. Потом пошли все. Немножко так поговорила с Мурашко¹³ (написал портрет Нат<альи> Ив<ановны>), потом с Вяч. Ив<ановым> насчет „Факелов“,¹⁴ потом ужинать пошли. Села рядом с А<лексеем> М<ихайловичем>. А Бердяев — напротив, рядом с нами заливалась Котляревская, стелилась, и гоготали два жирных, приказчичьего вида барина. Говорили про себя, смеясь, что они автоматы¹⁵ и что надо сделать, чтобы быть автоматом. (Идеала достичь.) Бердяев с интересом: „Значит, чтоб сделаться автоматом, надо сначала быть не автоматом?“ — „Да-а...“ (в недоумении). Среди ада нарочитого веселья (помнишь, ужин с Яворской¹⁶ у Нат<альи> Ив<ановны>?). Ал<ексей> Мих<айлович> воровал апельсины — своровал штук 8. Я ему помогала. А потом Бердяеву я предложила с ним чокнуться. (Он вообще был утихший, и как бы в заговоре против всех). „За них“ (за вас). Он кивнул. И серьезно чокнулись. Потом с Ал<ексеем> Мих<айловичем> и Берд<яевым> втроем тоже серьезно. А с С<ерафимой> П<авловной> — не надо — там у нас свое питье, соединение в настоящем, а не в будущем. Ал<ексей> Мих<айлович> предложил чокнуться за самое хорошее воспоминание. Говорю: должна знать — какое. Говорит: <за> З<инаиду> Ник<олаевну>. Ну, чокнулись. <...> Я пришла к заключению, что мужчине надо ожениться (не обабиться), чтоб понять Наше. А Бердяев слишком „мужчина“».¹⁷

17 апреля. «Сегодня вот что. Утром я ходила писать Юдифовну. Бердяев уехал в Киев на неделю, мать провожать за границу.¹⁸ (Сестра¹⁹ приехала)».

6 мая. «<...> Вчера у Бердяева Сологуб звал меня, обещал книгу подарить, если приеду».²⁰

7 мая. «<...> повезла его <Карташева. — М. П.> к Бердяевым, чтоб сестру жены Бердяева увидел — понравилась она ему как-то (и он ей). А я ей и выявила. Она довольна. Там тоже скушшно, но по-другому. Хуже, потому что притворяются много. Праздник „весны“. Все в березах. Барыня в зеленой „тармаламе“²¹ автоматически до ужаса принесла корзину с ландышами. А у букета ландышей записочка, со стихами о весне. Читали. И я с Карташовым. А сестра уж впиалась в К<арташ>ова. Ы-ы-ы... Все-таки С<ерафима> П<авловна> напрасно туда ходит».

8 мая. «Сегодня я писала портрет Л<идии> Юд<ифовны>. Каждого из их семейства в отдельности с радостью принимаю (как легко было без Бердяева), а вместе не могу».

11 мая. «Сегодня вот что. Писала Юдифовну. Бердяев по утрам (с 12 — 2-х) все у себя сидит, газеты читает. И не вижу его. Да и что видеть? (я говорю по отношению к нам)».

12 мая. «Сегодня Л<идию> Юд<ифовну> писала. Сестре нравится. Бердяев говорит, что похожа. Только тон лица желтый, от дома на дворе вышел».

17 мая. «<...> Была у Л<идии> Юдифовны. Ремизовы обедали у Бердяева. Бердяев завтра придет вечером к нам».

18 мая. «<...> Спала после обеда. Пришел Бердяев. Кар<таш>ова не было дома. Сидел пока. Потом К<арташ>ов пришел. Пили чай. Кузн<ецов> молча сидел. Кар<таш>ов властно радостно с ним говорил, с нашей точки зрения. О революции и христианстве. И нарочно удерживался от „слов“. Бердяев и *это* понимает, что плоть стала словом. А „скушно“. Не сердись. Неподвижен. Ушел поздно».

2 июня. «<...> Бердяев одинок. Л<идии> Юдиф<овны> я портрет *писала*. И выхихивать в *это* время *забыла*. И вообще, видела ее часто, правда, она очень, видимо, хорошая, добрая и весну тогда, в сущности, трогательную устроила,²² — я ужасно презрительно, не имея на то права, к ней отнеслась. По-моему, С<ерафима> П<авловна> резко очень к ней относится, не за что».

11 августа.²³ «<...> Ал<ексей> Мих<айлович> встал и рассказал, что всю ночь он кошмарил. <...> слышал шепот, и ему снилось, что он входит в комнату и видит, что Ната сидит недвижно с невероятно раскрытым ртом, а Кузнецов лежит на тахте и бормочет быстро несуществующие какие-то слова. Он стал орать, но никто его не слышал. Он разговорился и все говорил, что так жить нельзя, как люди живут, что кругом смерть идет, а никакая силой остановить нельзя, и вообще люди не доходят до конца и не смеют дерзнуть. И, может быть, потому, что думают: дерзну, а не выйдет? Что надо, хоть чертовский путь, но дойти до конца, и только *действуем*. (При этом его дьявол — демон, а ангел — скука бескрылая). Нельзя жить в Бердяевской квартире.²⁴ *Хоть бы каким-нибудь действием мир обновить*».

19 сентября. «<...> Она <С. П. Ремизова. — М. П.> мне говорит, что Бердяев написал А<лексею> М<ихайловичу>, что написал книгу,²⁵ и хочет купить хуторок и поселиться там философским отшельником. Она в негодовании, а я даже не удивилась, потому что как-то ожидается это от Бердяева. <...> Кар<таш>ов говорил, что Бердяев есть продукт времени, жертва переходного возраста в истории, что он — вечно невоплощенная, отвлеченная мысль и никогда не смогущая воплотиться. (С<ерафима> П<авловна> уверяет, что он и не хочет воплотиться, или хочет, но без страдания). Я на К<арташ>ова напала, что в делах религии *мало* судить одним человеческим разумом. Дойдешь до тупика, безнадежности. Осуждение человека заранее. Он <Бердяев. — М. П.>, — Ка<рташ>ов говорит, — спасется, но не *тут*. Я говорила, что выход этот останется, конечно, но, кроме него, есть вера, которая дает выход из тупика <...>, пока у человека есть страдание, осудить до конца нельзя. К<арташ>ов ушел куда-то, я говорю С<ерафиме> П<авловне>, что я сама, в сущности, тут от Бердяева не могу ждать, но и осуждать, присуждать — не могу. К<арташ>ов говорит: отчего вы так с Бердяевым? Уж Эрн и Свенцицкий ближе,²⁶ потому что жизненнее. А Бердяев книги будет писать — и будет прав и почтен потомством, но всемирного дела не сделает».

30 сентября. «<...> Бердяев приедет к 10 октября сюда».

14 октября. «<...> Бердяев приехал и ругался с Пирожковым из-за денег».²⁷

15 октября. «<...> Я думаю, что истина *постигается* жизнью и любовью, но освещается сознанием и разумом. Это идет вместе враз, и кажется, что одно *сознание*. Но вот — Бердяев — у него разъединено. Разум осветил то, что он постиг жизнью, раньше, а дальше не поведет, иссякнет».

19 октября. «<...> К<арташ>ов рассказал о Вяч. Иван<ове>. <...> Народу тьма — первая среда. Ивана²⁸ в алом бархате. Об Эросе говорили.²⁹ <...> Там уж Бердяев председатель <...>. (Вяч. Иванов ужасался и огорчился, как Боря поносил христианство, с грязью мешал — К<арташ>ову говорил). А Бердяев много понимает, но помощи от него нет».

23 октября. «Был Евг. Ив<анов>.³⁰ Потом заходили Бердяевы — первый раз — но сказали, что меня нет дома: пойду к ним, а теперь не могла, даже тошнило, так голова болела».

29 октября. «Целый день я моталась. На урок,³¹ потом к Бердяевым — на минутку. Л<идия> Юд<ифовна> спала еще <в> 12½ ч<асов>, с Бердяевым немножко посидела. Говорили о вас немножко, вообще не очень ему обрадовалась. Потом пришла

Л<идия> Юдиф<овна> — мы с ней кофе попили. <...> Мне как-то Л<идия> Юд<ифовна> понравилась — добрая она очень и простая. Хорошая. Прошлой весной к ней у меня было хуже отношение, может быть».

2 ноября. «<...> О мистериях Вяч. Ив<анова> я ничего не знаю, и Бердяев, по моему, не участвовал нигде».³²

8 ноября. «<...> Сейчас Бердяев будет читать главу из новой книги, глава называется „Великий Инквизитор“.³³ Я и К<арташ>ов пойдем к Вяч. Иванову его слушать».

10 ноября: «Ездили с К<арташ>овым к Ивановым тогда — и напрасно, так как у них был пожар, кухня выгорела.³⁴ Повернулись — пошли к Ремизовым, они ведь очень близко.³⁵ (Это значит, третьего дня, в среду). Там были Бердяевы. То ли Бердяев выдохся, то ли дальше стал, то ли я ушла, то ли самой смутно было, — только казался ни к чему. С<ерафима> П<авловна> сидела молчаливая и нахмуренная внутренне, А<лексей> М<ихайлович> неистово приставал к К<арташ>ову с апокрифами (пишет об Иродиаде: читал),³⁶ я пользовалась, читала и смотрела „Весы“, кстати, прочла твой рассказ, который не читала раньше.³⁷ Уже в 1½ Бердяевы ушли».

14 ноября. «<...> Вечером были с К<арташ>овым в обществе.³⁸ И оба очистились. С К<арташ>ова слезла шелуха, безбезумности <так!> и засорения (он сказал: точно из глаз соринку языком вынули), от доклада, в котором он видел карикатуру на жизнь вне нашего спекцифич<еского> безумия.³⁹ <...> И потом, когда стал возражать, то заговорил о безумии и об основ<ании> христианства: о любви... тут ему не дали, кончить просил Введенский.⁴⁰ Бердяева я боюсь. Потому что он так все понимает (конечно, общее — и, думаю, уже недвижимое, оттого и страшное), но умом. И я соблазняюсь: значит, *живой-то принцип* входит же, помещается без воплощений, и даже без возможности (пока) воплотиться. Доклад был, конечно, ужасен, так что даже и возражать смешно было, если, конечно бы, *возражать*, как сделал Петров,⁴¹ возражая: Христос не поощрял пьянство (в Кане Галилейской), не поощрял нечистоплотности (омовения отменил), не одобрял ложь и т. д. и т. д. А докладчик доказать хотел, что Христианство ни к чему не нужно. Жизнь идет Сама по себе <так!>, а Христианство иногда тормозит даже, потому что приплетается зря. Мне понравилось, что он так резко сказал о несовместимости государства с христианством. Потому что не разорвав — не создашь нового. Но так как он урезал и вышутил христианство — то не потряс сердца попов правдой, а заставил их увидеть и восстать на неправду, т. е. встать за христианство.

А К<арташ>ов начал с того, что это разделение подчеркнул, но хорошо <бы> еще усилить, т. е., придавая серьезность, внося мистику в христианство — не уничтожить это разделение, а усилить. Бердяев говорил о том, что докладчик упоминает о теократии, а сам не знает, что это такое, потому что теперь нет на то указаний, и у докладчика самого. <...> А Бердяева боюсь. Зато Л<идию> Юдиф<овну> ценю за ее простоту и жизнь. Это две чашки весов. Весной наоборот было».

27 ноября. «<...> Пришли с лекции Бердяева.⁴² Были все мы. Видели вот кого: Л<идию> Юдиф<овну>, С<ерафиму> П<авловну>, Ал<ексея> Мих<айловича>, Чулкова, Розанова с Варв<арой> Дм<итриевной>, Нувеля, Анну Павловну.⁴³ Больше не припомню. <...> Вы, наверно, знаете тему — О Великом Инквизиторе Достоевского (*о 3х искушениях в мире*). Было поразительно, что он до таких тонкостей (например, скака, уныние — есть предощущение небытия) понимает, точно сам пережил. Народу было много. К<арташ>ов почувствовал в этой лекции, что не только вера бесовская одна. А что в нем *живое* есть *страдание*. И тут именно ясно почувствовалось, что стоять на таком острие — без черта не удержаться, висеть в пустоте. Говорит „мы“ — и не имеет ничего. Прищурила оба глаза — и показалось его лицо с белыми глазами и громадными губами, и из губ, не раскрытых, выставлялся длинный розовый язык. Барыня рядом со мной охала, оглядывалась беспомощно (я ей, улыбаясь, объяснила, что это нервное движение⁴⁴) и ушла-таки с лекции. Может быть, и меня вместе с ним испугалась. Ну вот. Ната, идя назад, сомневалась: а вдруг, говорит, и я Бердяев? Понимаю, а ничего не могу. Я говорю: я Бердяев. Понимаю, хочу, а ничего не могу. Димочка⁴⁵ думает, что он Бердяев. Кузнечик тоже и т. д.».

30 ноября. «<...> Пришел Бердяев к 8 часам. <...> Бердяев мечтает затеять Общество философское, как в Москве Соловьевское.⁴⁶ У Кар<таше>ва сидел Колачов.⁴⁷ Я говорила Бердяеву, что китов таких в Петербурге нет, которые бы загорелись этой идеей для ее воплощения. Хотя элементы в обществе теперь уже настойчиво повернулись в сторону религиозного сознания после остроты революции, что назрела потребность в обществе подобном, но нужны ревнители. Что в Москве есть. С презрением мне не верил. Пришел К<арташ>ов и, к моему удивлению, сказал то же. Бердяев увидел, что К<арташ>ов готов принимать деятельное участие в готовом обществе, но создавать не может <...>. Бердяев поедет в Москву 14 декабря — читать то же в Соловьевском обществе.⁴⁸ Вчера не молились. Сегодня тоже. Вчера устали. Сегодня из-за Бердяева».

14 декабря. «Сегодня мое рождение. Идем на лекцию Бердяева сегодня. Что он пишет? Отчего не написала, о чем ты пишешь С<ерафиме> П<авловне> и что она тебе?»

16 декабря. «14го вечером были с Карт<ашевым> и Кузн<ецовым> на лекции Бердяева.⁴⁹ Бердяев прислал 2 повестки: К<арташ>ову и мне, а К<арташ>ов дал Кузнецову. <...> Народу, как всегда на рефератах на подобную тему, — много, больше все женщины, курсистки. Вот тебе самое общее впечатление. Помнишь, Минский рассказывал, как он объяснял какой-то англичанке Меонизм.⁵⁰ Как та слушала долго, с ½ часа, внимательно; потом, *когда* кончил, говорит: штёе? Так было и тут, и недаром это ему. Проповедь, без основания, в форме реферата, без огня, на религиозную тему — не зажжет, хотя бы неразумным пока огнем, никого. А о таких вещах только отвлеченно рассуждать тоже своего рода как бы кощунство — уже для самого Бердяева. Получилось недоразумение: никто ничего не понял. Да и не нужно никому. Возражали не на тему, в слепоте. (Солляртинский⁵¹ <так!> говорил, между прочим, что ему кажется, что он на религиозно-философских собраниях.⁵²) И Бердяев уже после прений растолковывал, что, собственно, он читал. А в это время медленно публика стала расходиться. Да, одиноко ему. Все-таки мы ближе всех были к нему из всех людей. Я думаю, он это понял. Даже так не поняли, что возражали ему, дескать, — ты вот мистику превозносишь, какие-то новые пути, — и все это вздор, а без Христа ничего не поделаешь... звонок! Пришел Бердяев. 7 ½ ч<асов>. Ушел. Я и думала, что он придет. Лекция его, — очевидно, неприятно подействовала, но не так, как я думала. То есть он пришел к заключению, что он, так же как Дмитрий, и в особенностях ты, — не умеете объективировать ваши мысли. Что взять, например, тебя: ты, в сущности идеи в высшей степени объективные высказываешь чрезвычайно субъективно, и в обществе именно благодаря этому и не можешь говорить. Что его задача — написать книгу и сделать истину доступной, объективной. В этом он нашел свою задачу. <...> Нарочно перед уходом спросила его, как он теперь о „философском обществе“ думает; говорит, что: „Я думаю, в Москве это скорей пойдет! Ну, что же, кто здесь есть? Попы? Там люди другие...“ Едет в январе читать лекцию, если выгородят Соловьевское общество.⁵³ <...> Бердяева ценят по его основанию. За его ширину ценят, ум, ясность, понимание».

26 декабря. «Приходим домой: Л<идия> Юдиф<овна> с Бердяевым. К<арташ>ов один с ними был. Бердяев, говорит К<арташ>ов, заинтересовался статьей К<арташ>ова в „Веке“⁵⁴ по поводу Философова и обновленцев.⁵⁵ Когда мы пришли — они уже сидели за чаем. Я Юдифовну увела к себе, потому что еще раньше мы с К<арташ>овым условливались, чтоб он Бердяева выспросил поинтимнее. Я Юдифовну занимаю. И Ната пришла. А Бердяев с К<арташ>овым говорили о вас, об искусственности и т. д. Бердяев говорил, что боится монастыря.⁵⁶ „Хотят (вы) устраивать общину внутри, а связь с миром порывают, порывать — так порвется — не восстановишь“. Боится искусственности. Как решить вопрос о причастии? когда нужно к этому приступить?⁵⁷ Это он до меня с К<арташ>овым говорил. По-моему, его Л<идия> Юдиф<овна> одевает религиозностью, хочет его спасти. К<арташ>ов ему говорил, что надо *делать*, потому что головой так вопрос не решишь. Когда нельзя иначе — тогда делается само. Иерархии не нужно.

Когда они тут вдвоем при нас говорили — мы с ней говорили о другом, о Л<идии> Юдиф<овны> сестре⁵⁸ и т. д., то К<арташ>ов был сдержан, но все-таки было недос-

тойно ему говорить с Бердяевым, как бы с имеющим. Чувствовалось, что тут-то и для Бердяева было бы лучше, если бы К<арташ>ов более властно и *отдельно* себя с вами от него ставил. Вот тут-то уж, пожалуй, Булгаков бы был лучше: был бы *не* согласен, но алмаантово основание, подлинная вера приближает без кощунства.

Ушли. Я это сказала К<арташ>ову. Он сказал, что ему с Бердяевым трудно было говорить, но он старался обесценить и себя в глазах Бердяева, то есть чтоб Бердяев не видел сам в К<арташ>ове отношения должного, большего, чем у самого Бердяева <...>.

К<арташ>ов мне говорил еще, что он не может иметь такое отношение, например, к семье, потому что для меня тут все (домашний очаг, своими средствами), а для него нет. Ему надо ширины: например, чтобы вы под насмешки шли, выявлялись бы, например, газету здесь, не за границей сборник⁵⁹ всем там Бердяевым, головной, чуждый, а здесь народную, что ли, газету, чтоб ясно было, что вас Церковь *родила* и что она вам мать, а не бежите от нее, как черт от ладана (это я говорю, не он). Но что вы уже не можете жить в ней, естественно-органически. Чтоб все видели, чтоб выявиться. Много тут Бердяев говорил тоже.

<...> Завтра хотим идти к Бердяевым. 30го — к Коммиссаржевской Блоковский „Балаганчик“ смотреть».

30 декабря. «Сейчас были (на „Балаганчике“ Блока и „Чудо странника Антония“ Метерлинка) у Коммиссаржевской.⁶⁰ Старуха воскресала на сцене, страшная;⁶¹ в балаганчике люди были куклами. А в театре все тот же салон Иванова. Бердяев не знает, к кому пристроиться. Метнется к Сомову,⁶² Нувелю, Баксту,⁶³ ко мне. Ни к кому не пристать».

Из «дневников» 1907 года

3 января. «<...> Да, вчера Бердяев был. Я хотела, чтоб К<арташ>ов его по существу выспросил, а он устал и не мог. Бердяев находит, что вы с Белым напрасно вместе.⁶⁴ Что пора ему вырасти и утвердиться, пора уж не расходиться внезапно в самой сущности. Вчера было как-то с ним просто и свободно. Он раздражает, когда начинает разговор по существу и чувствуется, что ему важно равно говорить с Нувелем об этом или же с К<арташ>овым. Лишь бы выяснить или даже сказать, что он думает. Пойду к ним в субботу».

5 января. «Сейчас был сочельник и Суббота,⁶⁵ так как завтра идем к Бердяевым».

7 января. «<...> Вчера были с Натой у Бердяевых всех. У Ан<тона> Влад<имир>овича (хочу избавиться от названия его всеми «К<арташ>ов», чтоб значительнее) была лихорадка, и он остался дома. У них никого не было, кроме нас. Мать⁶⁶ у нее приехала. Старая, сонная и беспросветная, толстая. Разливала чай. Странное сочетание? Мать, Ната, Л<идия> Юдифовна, я, Бердяев... Трудное. Не знаю, было бы, пожалуй, еще страннее, если бы был К<арташ>ов. Но мы с честью вышли из этого затруднения. Устроилось „легкое баловство“, в котором Ната, мать, Берд<яев>, Л<идия> Юдиф<овна> и я чувствовали удовлетворение от соединения. Это единственная почва была. Гадали, и орехи ели. Довольно подходяще выходило. Поджигали бумажки. Лидии Юдифовне какая-то любовь, потом вытасит свою <ногу?>, потом наследство, и гусь (на тени). Матери наследство, будешь есть, будешь пить, будешь душу веселить, мешки баба тащит и воду. Ленъ. — Натe — все то же, то же, что теперь, разочарование, оставь надежду навсегда — и вспомнит о тебе мертвец. Старик в очках и колпаке (на тени) по блюду: Николай, мужик; мысли мне: поеду далеко. Путешествие, но куда? ходит птичка весело по тропинке бедствий⁶⁷ и т. д. Подумай *лучше*, все не в ту сторону идем. На тени — черт лесной мохнатый, вроде Ремизова — целуется с жеманной шишкой⁶⁸ и двигались, так. Потом по блюду кикимора. Бердяев все так себе: перелом, поездка далеко и достигнет цели, но с трудом. По блюду: мало, мало жизни... <так!> Бердяев обиделся, почему мало жизни у него.

Юдифовна села оракулом — Нате, что сомнений много, Бердяеву — что нужно решимости, а мне, забыла, кажется, что препятствий много. В общем, ничего, не натянуто. Нате было весело, потому что она явно видела, как Бердяев зыркает игриво глазами, стараясь посмешить, вообще почувал намек на свою сферу.

Я, собственно, рада, что мы с Натой были, мне одной было бы вовсе бессмысленно и дико. Неизвестно что».

11 января. «Завтра именины.⁶⁹ Вчера вечером был Бердяев. После звонка, перед тем как отпереть дверь, сказала, чтоб нянечка говорила, что у меня болит голова, что вообще я не здорова <...>. Нянечка сказала Бердяеву, что я не здорова, он прошел к К<арташ>ову: по делу, говорит. Ну, думаю, отлично: наконец-то они поговорят серьезно. Сижу. Читаю книжку, трудно сосредоточиваться, мысли разбегаются: книжка трудная, серьезная. Борюсь. Является К<арташ>ов: „Что с ним делать!! Не уходит. Враг он мой, я спал. В 4 ч<аса> встал, устал...“ — „А вы с ним не говорили?“ — „Какое там, так устал“».

16 января. «<...> Бердяев не видит в Евангелии „Голгофы“,⁷⁰ спорит с Успенским, что сплошь радость. Без страдания он и останется граммофоном, радостно мотивчики наигрывать».

19 января. «<...> Бердяева была с матерью, портрет смотрели, матери понравилась. Бердяев очень иной раз страшный бывает, граммофон. С Успенским прошлый раз на именинах сцепился,⁷¹ и все свое дует и сам упивается. Гнусно, что он вашим прежним духом питается и на нем возрастает, как гриб дождевик. Созреет да лопнет, и трухой рассыплется. Это я очень гнусно говорю, может быть, но ничего».

27 января. «<...> Я была у Вяч. Иванова⁷² с Ремизовыми, из нас одна. Бердяев читал „Декадентство и мистический реализм“.⁷³ Не понимаю, как он может опять здесь же о догматах, о религии, Христа поминать. <...> Гофман⁷⁴ и Вяч. Иванов возражали. Вяч. Ив. утверждал несоединимость искусства с религиозным действием и во имя сохранения искусства опять свое мифотворчество. <...> Бердяев доказывал свою правду, как заведенный, никому не нужную. Никто даже не понял сути, а решили, что он против декадентства в искусстве, и горой. Отчего люди так незрячи?»

14 февраля. «<...> О Бердяевском обществе разве не слышали? У него уже было собрание устроителей. Тернавцев, Ельчанинов,⁷⁵ Эрн и Свенцицкий, Успенский. Будет Булгаков, Дьяконова,⁷⁶ К<арташ>ова прислал, Розанов, Вяч. Иванов (чтоб не было обидно, если бы не позвал). Хотели сделать филиальное отделение московского Соловьевского общества,⁷⁷ но потом кто-то предложил назвать именем Достоевского. Булгаков приезжает в воскресенье 18го. Тернавцев был в восторге и говорил, что это именно то, чего он всегда и желал пламенно. Попов не будет. Потом конечно будут публика, общедоступные, открытые собрания — с платой, может быть. Вот погоди — выяснится скоро больше.

Однако из московских собирается общество-то!⁷⁸ <...>

Я была у Вяч. Иванова с Ремизовыми, из нас одна. Бердяев читал там, конечно. Тема была „Эрос“.⁷⁹ Все об этом с разных точек зрения. Бердяев с *христианской*. В этот вечер он заходил к нам во время обеда, в 8 часов. С<ерафима> Пав<ловна> убежала, и молила никого не принимать, К<арташ>ову тоже надо было заниматься, и ему сказали, что никого дома нет. Он сидел полчаса у К<арташ>ова в комнате, писал ему письмо. Потом мы сидели в столовой, трепетали, что войдет: „а, голубчики, вот вы где!“ Так ему и надо, что-то он очень противен со своим христианским эросом у Вяч. Иванова».

24 февраля. «<...> К<арташ>ов завтра пойдет к Бердяеву и узнает насчет общества. В понедельник я и Ната хотим идти Свенцицкого слушать. Лекция „по поводу“ Ибсена Бранда в братстве, что на Стремянной».⁸⁰

27 февраля. «<...> Пришли Бердяев и Булгаков к К<арташ>ову. Говорили отвлеченно, о религиозно-философских собраниях ничего».

3–5 марта. «<...> Во *вторник* был Бердяев вечером. К<арташ>ов его спрашивал о переписке его с Дм<итрием> Влад<имировичем>.⁸¹ Тот ему говорил, и К<арташ>ов был рад, что не он один протестует и что если вы его, К<арташ>ова (близкого в сущ-

ности вам), не слушаете, то, может быть, услышите Бердяева, по мыслям, по укладу жизненному милейшему, нежели К<арташ>ов. Я не присутствовала при их разговоре, потому что была занята, но вы ведь знаете, в чем дело сами.⁸²

К<арташ>ов считает, что так, как думает о многом Бердяев и он сам, — думает весь мир, и с такими вопросами не считается нельзя. Не буду повторять, как и что. Вы знаете сами. И письма К<арташ>ова к себе имеет.⁸³ И знаете, в чем я с ним согласна, в чем нет. Вашу слабость специфическую „Мережковскую“ тоже знаете. Я рада, когда люди не таят, а говорят. <...>

И я считаю, что Бердяев *законно* не может возбудить такого возмущения своими письмами, потому что, *привнося* (в кротости) нечто новое, он не трогает *Ценностей*, потому что он их не касается органически, он их не задевает. Часть его — частью правдой остается. <...> Бердяев возмущается, что от него требуют (а он не понимает сам, чего же у него недостает?). Он считает, что он так же „действует“, ⁸⁴ как и вы, — школа еженедельных у вас⁸⁵ — религиозно-философских собраний у него. А действия иного нет ни у вас (только «личные переживания», опыт), ни у него одинаково. Нет! *Грех* людей любить мало, но *такой же грех* и любить их слишком много! *Рано* любить грех».

6 марта. «<...> К<арташ>ов просит только, чтоб его не проклинали и не считали его дальше Бердяева, и т. д., если он будет причащаться и т. д. Если надо — пусть, все равно *хочет* он *этого* или *уже делает* — то же самое. Меня сомнение берет: а как умирать? тогда что? Или все *должны* быть готовы для совершения или в *Церковь*, как же? Скорей бы, скорей, трудно уж очень быть. А я ведь в Церкви ревела тайно, у Исаакия,⁸⁶ как дети причащались, — завидовала».

18 марта. «<...> Сегодня вот только с Соней⁸⁷ расположились идти на собрание — Бердяев прислал записку, что градоначальник запретил: оказывается, он только *заявил* градоначальнику, явочным порядком. К<арташ>ов пошел к нему узнать подробности. Главное, мне за Соню обидно, ей очень Бердяева хотелось поглядеть. А в [пятницу] ее не было дома, когда он приходил, ко мне должна была прийти Поликсена, и я не появлялась даже, чтоб он не засиделся».

7 апреля. «<...> Вчера с ней <Н. А. Гиппиус. — М. П.> были у С<ерафимы> П<авловны>. Туда заходил на минутку Бердяев. На одну секундочку. Давно его не видала. Завтра будет р<елигиозно->ф<илософское> собрание в Екатерининском зале на Коюшешной.⁸⁸ Там выставочный комитет отдал зал даром. Вход по повесткам, которые будет контролировать полиция. Доклад Розанова все тот же, „Отчего падает христианство“.⁸⁹ Возражать будут Бердяев, Булгаков, священник Аггеев,⁹⁰ Аскольдов,⁹¹ Тернавцев, Карташов, священник Медведь.⁹² Повесток он разослал (Гофман⁹³ этим заведует) 250 штук, а зал вмещает 300 человек. Мы пойдем.⁹⁴

С<ерафима> Павловна рассказывала, что недавно был у нее Бердяев с Л<идией> Юдиф<овной>. При этом Л<идия> Юд<ифовна> завела с ней разговор. „Она с такого конца всегда заведет, не с того просто, как надо, что я ничего ответить не могу. Молчу!“ (С<ерафима> П<авловна> говорит). А Л<идия> Юдиф<овна> ей говорит: „Я вот что думаю — теперь Новое Христианство, и вот нужно причащаться. И я могу сама причаститься. Ведь Мережк<овские> причащаются? Вот у Allegro на портрете Зинаида Николаевна — ведь это таинство евхаристии?⁹⁵ И Allegro молчала, когда я у нее спросила, причащается ли З<инаида> Н<иколаевна>?“ Бердяев с ней спорил, доказывал, что она не понимает преемственности (я со слов С<ерафимы> П<авловны>) и что он скорей пошел бы в старую церковь, чем так, как она говорит».

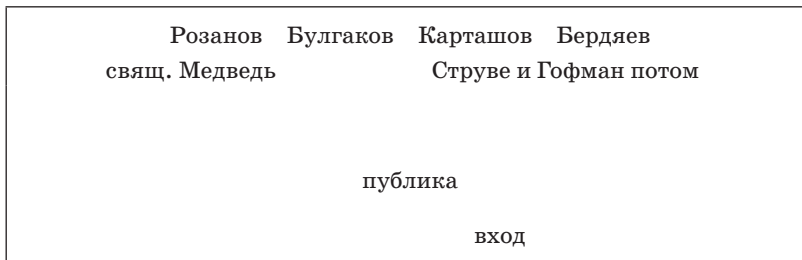
15 апреля. «<...> Главное мне о Бердяевском обществе, о собрании хочется рассказать подробнее, о том, каков дух. Это вам очень интересно. <...> Надо написать, что было в эту неделю, начиная с воскресенья, когда было 1ое религиозно-философское собрание,⁹⁶ и затем вкратце, что было.

Вот, в воскресенье было религиозно-философское собрание (или, вернее, философско-религиозное собрание). Дальше идут дни, когда никто не приходил, я готовилась к экзамену, в четверг — очень трудный и сложный — анатомия. <...> В среду меня звали Блоки, но я не пошла, потому что канун экзамена. В четверг, не успела я кончить, — Леонид Семенов,⁹⁷ потом незванный Абрамович⁹⁸ и Успенский, который

пришел к нам от Бердяева, у которого был на минутку и рассказывал, что неизвестно, оказалось, от кого зависит разрешение и утверждение [этих собраний] общества: от Синода — нет, и передали в министерство внутренних дел — ведомство иностранных исповеданий (!) <...>

Ну, наконец-то дошла до религиозно-философского собрания, хочу рассказать. Выставочная зала, парад, идут дамы, знакомые лица. Картины открыты,⁹⁹ такое впечатление, что Дягилев открыл выставку вечером,¹⁰⁰ а публика входит первый день по почетным билетам. Сейчас заиграет музыка. Вошли — впереди мать Блока¹⁰¹ с Блоком¹⁰² (Л<юбовь> Дм<итриевна> берет уроки у Мусиной¹⁰³ (играть на сцене учиться) и придет позже). Блок очень звал к нему в среду. Сказала об экзамене ему. Идем выше. Шервуд¹⁰⁴ с Кузнециком. Гофман отбирает повестки. Allegro,¹⁰⁵ Ге,¹⁰⁶ Евг. Иванов, Поликсена (Кате¹⁰⁷ плохо, она сказала), Егоров,¹⁰⁸ Дядюшка,¹⁰⁹ Анна Павловна с внучкой, Успенский, Тернавцев, Бердяев в волнении носится, Ремизовы, Струве,¹¹⁰ священники кое-где в публике, Солляртинский и т. д. Сели во 2й ряд. К<арташ>ов пошел к столу, а я с Поликсеной. Сзади раздавалось щебетанье дам каких-то, так что уж принуждена была пересесть на другое место. Было инстинктивное впечатление, что будет читаться лекция, потому что стулья стояли так:

К<арташ>ов, а по бокам Булгаков с Бердяевым, сзади сцена — картины Богаевского,¹¹¹ под гобелены. Свету масса. Солляртинский головой стал мазать один портрет Мурашки, и я на перерыве принуждена была отодвигать весь ряд стульев. Егоров пьяный, злобный, потребовал, чтоб начинать, что все собрались, и Булгакова назначили председателем. Предложил не аплодировать. Егоров возмутился, говорит, что надо голосовать и сел с носом, когда вся зала приняла предложение. К<арташ>ов читал. Сначала говорил Бердяев по поводу некоторых мыслей (что Христос утешает человек<ество>, но не лечит), говорил вообще о позитивизме, о смерти и о коренном *лечении* человек<ества> — о победе над смертью. Вот и из этого всего видно было, что каждый поп радовался: „да, в Христе ничего, кроме жизни, — страдания нет, и Бердяев, безусловно, с нами“. Все на Розанова нападали.¹¹² Струве — что Розанов ошибается, мешая революцию в одну кучу с наукой, как бы упрекал, что он на неверном основании строит свои положения.¹¹³ Говорил и Столпнер,¹¹⁴ и попы.¹¹⁵ Много. Приблизительно знаете, что могут сказать. (Вы этот доклад-то Розанова знаете ли? я говорю, будто вы все знаете его).

И все оказались вместе против Розанова, с Бердяевым вместе. К<арташ>ов все же бросил кое-какую бомбочку. Говорил, что на Розанова все нападают, а он ставит вопрос верно и у нас подымает вопрос, который раньше никогда не вставал. О принятии жизни. Таким образом, попов тоже от Бердяева отделил, а то началась путаница. Жизнь, жизнь во Христе — против очевидности, Розанова возмущение праведное, хоть в данном случае и выражено младенчески. К<арташ>ов говорил свободно и ярко. Главное, как-то весело. Дядюшка под конец начал говорить, и не унять. Все записочки, радовался, что „продолжение Религиозно-философских собраний“. С пафосом говорил, но пришлось ему прекратить. Булгаков говорил, что Розанов вернулся в этом докладе к юношескому возрасту, и вспомнил, как он учился у Розанова,¹¹⁶ и тогда они сцепились в спорах. Православный Розанов и Писаревец Булгаков спорили так, что забыва-

ли урок. И как Булгаков говорил: „Наплевать на Пушкина, лишь бы мужик был сът!“ И вдруг теперь искажается Розанов и превращается в 17летнего мальчика».

18 апреля. «<...> А К<арташ>ов вчера у Бердяева был. Там был спор со Столпнером и другим жидом.¹¹⁷ Отвлеченный, о вере и познании. Так, не жгучий. Тернавцев был, пришел. Послушал. Махнул рукой и ушел».

24 апреля. «Утром Алехина.¹¹⁸ Потом Вальтер.¹¹⁹ С ним мы вышли. Пошли втроем снялись, 3 карточки. Оттуда к Бердяевым. Они вечером хотели к нам прийти. В пятницу собирается деловое собрание, К<арташ>ов пойдет. Ельчанинов вернулся. Будет опять собрание. А разрешение на общество, когда будет — неизвестно. Бердяев боится, что Успенский подгадил: в канцелярии Градоначальника чуть ни лекцию прочел о Соловьеве, о Логосе, о новом религиозном сознании и сказал, что на всякое движение у них будет отклик в обществе. Подозрительное впечатление весьма он произвел на них, по всей вероятности».

30 апреля. «<...> С<ерафима> П<авловна> пришла с тем, что если она поедет, с вами поссорится.¹²⁰ И говорит — не поеду. Мы с К<арташ>ов<ым> доказывали, что пусть она выссорится, она много правды вам скажет. Но надо иметь право говорить и о слабостях. И тогда, если имеешь право — услышат и примут. Для этого надо иметь подлинное зерно любви. Она протестует против вашей слепоты по отношению к людям. Особенно Дм<итрия> Сер<геевича> (о Филос<офове> не знает). Что Бугаева так близко приняли,¹²¹ что Бердяев так тоже. Потом, что, например, сестре жены Бердяева¹²² говорите о нем все, она передает возмущенно ему и т. д. и т. п. На фоне *общего нелюбовного отношения* к людям — чрезмерный оптимизм по отношению людей, *высказывающих* (а может быть и не *имеющих* даже) *мысли*, которые вас интересуют, и не смотрите, что это могут быть одни мысли. Она протестует против этой „литературности“ и „литературной злобы“, „полемической“ — по отношению ко всем — и „литературного принятия“ людей (то есть легкомысленного), слегка касающихся этого, хотя бы и не имеющих еще. Пример у нее Бердяев, обезьяна его Гофман. И Лидия Юдифовна, которой он все говорит. Говорила, что она будет возмущаться, что Дм<итрий> ее не видит (а я говорю: и не ценит!). (Хотя последний раз *мне лично* Л<идия> Юдиф<овна> понравилась, она Бердяеву говорила, что человек всякую истину должен решить прежде для себя, а потом уже о ней говорить другим. А то не поверят. Спросят — как живешь? С<ерафима> П<авловна> говорит, что она намекала на вас, со слов сестры, которая говорила: «М<ережковск>ие упрекают Н<иколая> Ал<ександровича>, что он не живет как надо, а сами-то, живут, что ли?»).

13 мая. «Читала в „Веке“ Димочкину статью о Свенцицком.¹²³ Больно прямо, когда вижу, как сильнейшие дают орудие в руки противника. (Так же и К<арташ>ов с вами свои слабости обнажает, и вы с ним). Та же Бердяевщина, солидарность с ним только в „новом сознании“, и чувствуется пагубная литературность, а не живое сердце. Нельзя же так. Свое живое хранить в себе, а кидать людям одни слова. И о Михайле¹²⁴ <тон?> весь,¹²⁵ и о Булгакове, и об Эрне и Свенцицком.¹²⁶ — Ведь так о живых не говорят — так говорят или „критики“, или о мертвых, да еще и не в этом веке. Бердяев — вот дьявол,¹²⁷ бегите от него подальше. С<ерафима> Павл<овна> чует правду, бежит от него подальше, в ней дух подлинный есть. <...>

Лидия Юдиф. Опоздала на 1 минуту на поезд. Бердяев орал на весь вокзал: 2 раза опаздывали. Уехали».¹²⁸

17 мая. <...> ...Был у нас <Е. П.> Иванов: от Дм<итрия> письмо получил, говорит: Дм<итрий> С<ергеевич> пишет, чтоб я шел к Бердяеву. Иванова же Бердяев презирает, совершенно с полным презрением и к „писаниям“. Он и к Боре очень гадко относится.¹²⁹ Свысока, со своего „баринского“ полета. Умалиться ему надо. Юродства нет, ничем не пожертвовал. Едет в деревню, время рассчитано по минуткам. Читает, пишет, благополучный помещик по крови.¹³⁰ Он мне (Бердяев) очень не понравился последний раз. А особенно статья в „Веке“ неприемлемая.¹³¹ Цезаре-папизм! Папо-цезаризм!¹³² Опошлось, изъелось как червоточина это, например, со-поставление. А Димочка перезванивает с другой колокольни: Папо-цезаризм! Цезаре-папизм!¹³³

Милые, не сердитесь на меня. Мне очень самой неприятно о Бердяеве писать. С<ерафима> П<авловна> тоже повлияла: она его тоже чаще видит в жизни интимной».

6 июня. «Бердяевский вопрос. Я с тобой согласна, что запуталась: трудно мне и было, и есть. Но запуталась я не в „темпераментах“, как ты пишешь, а в живых людях, религиозных. Зима эта прошла для меня не даром: кое-что узнала ближе и глубже. Я научилась видеть, ценить и чувствовать правду Кар<таш>ова и С<ерафимы> П<авловны> больше, чем прежде. Открыла тоску по этой правде у Наты, и Нату оценила больше. Увидела то же и у Евг. Иванова и его оценила. И в себе узнала. А когда оценила близких (почувствовала, как незыблемое основание у себя), то оценила и у дальних: у Булгак<ова>, у Свенциц<кого>; еще дальше у Добролюбова,¹³⁴ у мальчика Семенова. (Потребность правды, готовность себя предать за правду). Когда это все стало ясно — увидела, что С<ерафима> П<авловна> права, у Бердяева этой правды нет.

И вот почему вы пугали слепотой, что требуете от него того, чего в нем сейчас еще нет, говорили ему об ответственности, которой он, словесник, и не ощущает и ее даже не может пока иметь. Вы зовете его к работе религиозной (если зовете работать вместе, а ведь *вы*-то не можете работать вне религии), когда он и не смеет еще быть с вами: основа, почва-то у вас не одна, как бы мысли его ни были тождественны с вами.

Вот и выходит: вы к нему с любовью, а он к вам же снисходит с покровительством. Вот и *грех* любить *религиозно* слишком того, кто этого не заслуживает. Он вас не понимает и своим прикосновением отравит живой источник: как Чулков делает со *словами* живыми,¹³⁵ так Бердяев сделает с *живым* делом. Он вам не друг, пока не религиозен.

Ваш лик искажается от вашей любви к пустоте. Искажается и пугает С<ерафиму> П<авловну> и всех религиозных людей: думается, значит, мало в вас живого прозрения в людей, мало в вас *религиозной* любви, *радости* к человеку, в котором есть *Любовь ко Христу* (пусть даже еще не воскресшему), и больше любви к человеку, в котором только *мысли* тождественны с вашими. Мысли о Воскресшем. <...>

Пусть С<ерафима> П<авловна> готова идти за кем угодно (хотя это преувеличено), пусть она слепая в новом сознании, но с ней работа не будет кощунством. А звать Бердяева не в светскую, литературную работу (ведь вы *уже* люди, а не литераторы) — кощунство, тут С<ерафима> П<авловна> права, и я с ней. Любви-то не полагайте в пустоту: не мечите бисер перед свиньями.¹³⁶ Не соглашайтесь с Булгаковым, Свенциц<ким>, хоть ни в чем,¹³⁷ кроме одного пункта, перед которым нужно преклониться: это их подлинная *Любовь ко Христу*. Тут им — любовь. Чувствуется, что они со Христом страдали, есть ощущение в мире греха, неблагополучия, Иовское страдание.¹³⁸ А у Бердяева нет жизни; нет крови и тяжеловесности. Я его сама видела».

22 сентября. «<...> Религиозно-философское общество разрешено, но так как Бердяев, кажется, не думает сюда вернуться,¹³⁹ то неизвестно еще <когда> собрания состоятся. (Карташов думает, что, кроме других соображений, может быть, даже после первого собрания просто-напросто они будут запрещены на основании охраны, как запрещена «Религия и жизнь»¹⁴⁰). А „другие соображения“ вот в чем. Собрания в глазах всех — есть продолжение прежних, составом своим подобны, но не имеют того духа, потому что время не то, — тогда они родились, теперь они создаются. Бердяев мог их затеять искренно (честь и слава ему за это), как не участвовавший в прежних. Он бы их и одушевил духом времени своего, дал бы им тон, отличный от прежних, более увлеченный, литературно-философский — лекторский, так сказать. Разбил бы и попов, и Розанова изыяснил и поддержал. И Тернавцев и Карташов были бы деятельными участниками. Но устроителями они быть не могут; а между тем попы навострились, научились еще больше запутывать и вилять, потому что знают, с кем идти на сражение, силы рассчитывают. Унизят и все прежние собрания — дескать, вот оно новое сознание, защитит некому. Аскольдов проводил вопрос, прежде чем открывать общество, — нужно обсудить цели его и средства, и пути их достижения. Хотя Тернавцев находил, что это праздный вопрос (конечно праздный, если принимать эти собрания за продолжение прежних), но в действительности-то, пожалуй, Аскольдов прав. Потому что физиономия, действительно, другая. Теперь главная мысль о том, что лю-

дям нужно слушать, люди ищут. И думается, общество все не то же ли, что лекции или публичный диспут? Бердяев ввел людей от себя (Струве, Франк,¹⁴¹ еврей-философ, Гофман — «бердяевская обезьянка», с которым кроме Бердяева никто соединения не имеет). Остались, точно вставные зубы. Со стороны Бердяева очень странно, что он-то, сам устроитель, до такой степени, значит, отнесся несерьезно, легкомысленно, что не приехал, когда время открываться этому обществу. Карташов и Тернавцев написали ему письмо упрекающе (факты пишу, главным образом, со слов Карташова, потому что он же мне все рассказывает. Взгляд же имею свой с ним согласный во многом. Пишу от себя). Карташов так сомневается в успехе собраний, что думал даже сделать их закрытыми, чтоб друг перед другом выясниться, не перед публикой, и параллельно устроить публичные лекции, без прений, с комментариями к щекотливым рефератам».

27 сентября. «<...> Сейчас зашел К<арташ>ов. Он вчера был на собрании перед открытием Общества. Решили — К<арташ>ов настоял, и Тернавцев поддерживал, что собрания будут не публичные, а закрытые, по повесткам, в весьма ограниченном количестве, что выходит естественно, потому что насчитал приблизительно человек 70 знакомых, и с количеством разосланных 25 повесток и с 4–5 билетами, которые могут члены Совета раздавать. Аскольдов был в недоумении, почему Бердяеву такое значение придавать, точно сами без головы, и был удивлен, когда на вопрос — нужно ли открывать Общество, К<арташ>ов сказал, что нет. Это будет первое заседание».¹⁴²

3 октября. «<...> Вообще, впечатление поминок прежних Р. Ф. собраний.¹⁴³ Или разогреты объедки. (Это пока упоминали о том же, может быть, потом другой тон будет).¹⁴⁴ И уж пусть хоть какой тон, но только другой — так и то лучше. Может быть, будет и ничего. Еще нехорошее впечатление, что Кар<таш>ов как бы окончательно ослаб в силе своей и онемел, точно соли уж прежней в нем нет. Это как-то ложно кажется. А он не может сюда ничего дать искренно. Лепту вносит сильную».

То весеннее Бердяевское собрание¹⁴⁵ было, по-моему, своеобразнее, хотя и было сплошь фальшиво. Он все сделал напоказ. Назначил роли, распределил кому что сказать перед „публикой“, зал был — не то бал, не то выставка „Мир искусства“ с вечерней музыкой и шуршащими дамами. Такого бесславного собрания, откровенного и обнаженного, как это, — Бердяев бы не допустил; и оно¹⁴⁶ могло бы <быть> еще хуже. Но, может быть, для чего-то Бердяева было все-таки нужно, потому что Бердяев бы внес огонь, пусть какой-нибудь, во всяком случае огонь для Бердяева-то правильный. И может быть, *тон* собрания был бы другой, хоть не тронул бы прежнего, и то хорошо. А если бы и Бердяев призрака не победил — было бы еще хуже, потому что маска вместо лица страшнее, чем пустота».

13 октября. «<...> Завтра заседание р. ф. собрания. Сегодня с К<арташ>овым говорили, что даже редкие рефераты Бердяева в *Философском* обществе у Введенского¹⁴⁷ были праведнее, потому что бились сквозь известную среду, непрозрачную. А тут — ничего. И вот что мне делать. Читала я отрывочки из новой Бердяевской книги.¹⁴⁸ Забыла, где-то в начале — что-то об эпизоде со священником в Думе, кажется... И фраза: О, конечно, я не с мистической Церковью говорю¹⁴⁹ (что не приняты свящ., или в этом роде), а об исторической! Во-первых, точно *мистическая* может в себя принять „думское“, и затем что за легкость в тоне!

И как примириться с тем, что подобная хлестаковщина принесет плод? Просто душа не мирится. С<ерафима> Павловна другое, она за себя боится, за свое Главное, где-то близко, чтоб Б<ердя>ева не подпускать. А я или возмущаюсь объективно, безотносительно даже к себе и к нам (нас-то он не сдвинет, не боюсь я, как С<ерафима> П<авловна>»).

22 октября. «<...> Письмо Бердяева к К<арташеву> и Т<ернавцеву> следующее. Тон, в общем, не очень хороший, с позировкой, и будто он польщен несолько тем, что его как устроителя зовут, ищут. Уж слишком откровенно. (Но и это хорошо). О вас не хорошо. (К<арташ>ов ему еще отдельно написал, серьезнее, ответа нет). Пишет, что Л<идия> Юд<ифовна> больна, для Петербурга, и денег нет: едет дешево жить в Париж. Но это второе, говорит, а первое то, что я мучусь вопросом о причастии¹⁵⁰ и не

могу говорить больше (а книгу пишет). Вы уж без меня, и без меня найдется председатель (какое отношение, кинул на всех. А К<арташ>ов сейчас может «говорить»?). Я поеду к Мер<ежковск>им, буду с ними воевать¹⁵¹ (я забыла, что-то в этом роде), ну и т. д. Не поймешь. Успенскому письму не нравится, что все-таки словесное, говорит».

16 ноября. «<...> Я С<ерафиме> П<авловн>е сказала, что ты о Бердяеве мне написала. Не верит она ему. И К<арташ>ов. Я не знаю его так, как они, не чую, но в этом верю больше им, чем вам. В смысле подлинности, вверенности правды в руки человека. У меня протест против его болтовни (какой у Дм<итрия> не было, извини). „О, конечно, я не говорю о Целом¹⁵² и т. д.“. Это все *ваши слова*, это все не его собственное, и вы свое в нем принимаете за его и радуетесь, как новой встрече. <...> Говорят, „глупы сердцем“ (как хорошо сказано!), умны головой. Когда она вам написала искреннее письмо — вы не поняли, в ответ ей грубо, не понимаяши, написали. И когда она то же самое, но глуше <так!> литературнее написала — поняли, а она бы за второе письмо гроша не дала. Что Кар<таш>ов вам труден, навязчив, непереносим — вы его терпите, а придет Бердяев, то же самое будет говорить вам и от вас требовать, *взявши от Карташова* же, вы его услышите, и будете восхвалять. (Кстати: Бердяев написал Кар<таш>ову письмо, что он эту зиму от него больше всех получил, хочет быть с ним единомысленным в том, что от старой Церкви отрываться нельзя — и что у вас есть декадентство в этом вопросе. Так что С<ерафима> П<авловна> будет, пожалуй, права, что Бердяев будет говорить с вами как бы от Карташева <так!>. Если так, то К<арташ>ов рад, что будет услышан).

К<арташ>ов ей говорил, что вы Бердяева принимаете просто как литературную силу, нисколько не обманываясь на его счет. Но С<ерафима> П<авловна> уверена, что он вам брат родной и что вы слепы и почва из-под ног исчезает, не на кого положиться. <...>

Я согласна с С<ерафимой> П<авловной> в том, что в вас — как и во всех нас — есть глупость сердечная. Вы людей „по слову их“ принимаете, по виду их, а не по сути. Обманываетесь в ценности. Я не в упрек, а констатирую факт. Это грех очень серьезный. Потому что жить по слову ведь нельзя. <...>

Вот еще что К<арташ>ов мне сказал: что Бугаев легкий человек, а у Бердяева масса разных соображений, почему ему быть в Париже, поэтому нельзя ставить их в сравнение с ним, что не приехал. <...>

Сер<афима> Пав<ловна> Вам написала, было, письмо (К<арташ>ов и К<узнец>ик читали, говорят, спокойное, трезвое, хорошее) о том, что она узнала Бер<д>яева еще больше, что едет он к вам из-за собст<венного> упоения собой, говорил о „новом религиозном сознании“ перед всеми; адвокатами, за обедом, гарцевал словами, любовался своими мыслями, как раньше блистал в провинции социал-демократом. Это с ее слов пишу».

13 декабря. «Р. Ф. общество было в Среду.¹⁵³ <...> Бердяевский доклад хороший.¹⁵⁴ Именно те возражения, даже в той форме. Форма — трезвость, уверенность, ясность и спокойствие. Мне бы хотелось еще это обострить, два пункта — о тлении — смерти (грех) и о личности. О личности бы еще тоньше и глубже. А последняя часть — это уже о царстве Духа, это уже не хочется говорить. Молчи! Молчи! Молчи! Но это, я думаю, он не мог не сказать, а то бы попы да миссионеры всего его в свои записали. Уж радовались началу, К<арташ>ов говорит. Хотя можно бы, я думаю, в этих двух пунктах попов побить (личность и грех).

Аскольдов возражал Розанову и Столпнеру¹⁵⁵ (на них за прошлое заседание) так, что все углы слизал, обсосал со всех сторон и выложил на ладошку — вот вам: это и все! И доволен — победил.

Тернавцев говорил¹⁵⁶ в поддельном пророческом *тоне* — *тон* миссионера-конокрада (он его сам так называл за лицо). Говорил, что аскеты, святые знали несказанную радость (где же тут возражение Розанову?!!) — об ней молчали, как все подлинно-религиозное молчит (если не пророчествует), что есть ужас гибели и радость спасения. И нужно причастие, а то все прах, сколько ни говори. И христианство — в причастии. Говорил так верное, но получилось фальшивое. Иванов Евг. очень его осуждает: гово-

рил, говорит уж очень сыто, по „букварному“. Он с ним букварь работал,¹⁵⁷ так Тернавцева изучил. А Солляртинский доволен, сияет. Самодовольный. Возражал — все о своей морали, что люди гнусные.¹⁵⁸ А Столпнер от Аскольдовских нападений на свою прежнюю речь защищался.¹⁵⁹ Хороша, говорит, святость, что не она людей возвышает, а люди ее портят (а Аскольдов говорил, что, дескать, люди христианство изгадили сами). Говорил: в Иудействе воскресение есть, а Христос был Богочеловек ведь, а не человек, значит, он и воскрес себе, а люди все равно умирают и умрут.¹⁶⁰ Еще Морозов¹⁶¹ говорил, социал-демократ, что, говорит, христианство между париями возросло, потому что им нечего в жизни было ждать, их поманили и они, невежественные и бедные, — пошли, а в сущности, высокие идеи ничего не стоят, раз они говорят: человек умирает — ничего, воскреснет! больной — ничего, зачтется, что терпит! Признание мерзостей. Суровый, брови сдвинуты, возмущается.

Дядюшка всех извел: все Розанов нахваливал. Все к нему да к нему. Не видит, что всем надоел, в пафосе. А Аскольдов улыбается беспомощно, с ямочками на щеках, глаза выпячивает и не смеет остановить. Хохоют все. Мы ушли, потому что потом кто-то неведомый <...>. В общем, прошлое собрание было живее. Васе¹⁶² очень Столпнер нравится и Розанов. А Бердяев, кажется, под сомнением. 2й часть Бердяев себе повредил — не хочется ему верить. Я со стороны опять смотрю».¹⁶³

Из «дневников» 1908 года

10 января. «<...> Ты Бердяеву ничего не говори о нас.¹⁶⁴ Ни о К<арташ>ове. Очень прошу. Судите вообще, а жизни не надо касаться. Вблизи Бердяев очень соблазняет, будто он „с нами“. А К<арташ>ова вы еще ощущаете как далекого, так вдруг и будете судить. Не судите, милые, перед лицом Бердяева. Только *вообще* можно, а не в частности...».

18 января. «<...> Бердяевым возмущается <Андрей Белый. — М. П.>, говорит, что он не имеет права писать о том, о чем пишете вы. И о декадентстве тоже».¹⁶⁵

17 февраля. «<...> С<ерафима> П<авловна> страшно боится, что ты Л<идии> Юд<ифовн>е и Берд<яев>у что-нибудь откроешь, как-нибудь по серьезному их примешь, а она их обоих знает. И о Бердяеве знает, о его непригодности в смысле зрелости его желаний и надежности. И у нее ощущение страшной незащищенности. Говорит, что, принимая их, вы с ней разрываете. Наверно, потому что она никогда внутренно верить <н>и Берд<яеву>, ни Л<идии> Юд<ифовне> не может. Такая твердость в ней мне нравится. <...>

Я была очень усталая, потому что эти дни поздно ложилась. Трудно сидела на собрании.¹⁶⁶ Зачем их прекращать? Они затеяны Бердяевым и имеют свою ценность. Пафос бердяевский в них есть. А какое, ты думаешь, — может ли быть теперь какое-нибудь „общество“ — истинным? Если только оно не *говорильня*? Пафосу не время — надо тише. Чем философичнее, суше — тем правдивее нынче будет общество. Чем слова безобиднее употребляются. Ни слова не надо об Антихристе, о Христе и т. д. Целомудрие забыли.

Если бы Бердяев был — он бы спас, может быть, философским элементом, — привлек бы сюда кого-нибудь. А то вон уж Адрианов,¹⁶⁷ кажется, говорит: с тех пор, как с легкой руки Мережковского стали употреблять слова такие, как Антихрист, — просто себе, без ужаса и трепета, как прежде (то есть как обыденщину, как слово без души)...».

14 марта. «Среда. Р. Ф. собрание.¹⁶⁸ „Интересное“, а по-моему, по глубине говоря, разврат это общество и больше ничего. Невозможно, правда, тянуть канитель. Развращать подлежащее разврату. Пусть я не справедлива, потому что надо „учит<ыв>ать“ кое-какие достоинства, но *наплевать* мне в данный момент на все компромиссы, хоть с вами-то душу отвести, по существу. К<арташ>ов не говорил, — говорит, нет внутренних сил, хотя и хотелось сказать. И я хоть осуждаю в глаза (то есть надо бы), но по существу не одобряю, потому что нельзя активно поощрять такой разврат. Душа возмущается. Пусть Свенцицкий говорит с Тернавцевым, пусть Розанов с ними спорит, но

на людях, *теперь* невозможно. Всякое прикосновение с людьми — бесстыдно развратно. Бердяевщина делается популярною, всасывается во всех, — ну, как же не заткнуть уста Розанову при публике, которая сегодня идет слушать Розанова, завтра на лекцию о Санине¹⁶⁹ пойдет и будет думать, что идеалы у того и другого одни! Рожи, рожи, какие у многих. Пол! — книжку Свенцицкого конфисковали!¹⁷⁰ (он сам похвастал) — браво, аплодисменты! Как еще Тернавцеву не шикали, удивляюсь. Скуушно! <так!> потому что болтовня голая, не то время, не та серьезность. Чулково-Бердяево-Гофманство заело людей. Никому не верю <...>».

15 марта.¹⁷¹ «В четверг пришла Сер<афима> Павловна, от тебя как раз письмо. О Юдиф<овне> ей ничего не читала, Боже сохрани. О сплетнях подлых ничего не говорила. И вообще ты меня как-то очень огорчила, что о С<ерафиме> П<авловн>е так пишешь по-мужичьи (прости). „Истерическая баба“. „Обе врут“. Это тебе издали так кажется, а у меня к Сер<афиме> П<авловн>е теперь подлинное и верное отношение. Я ее не защищаю и так, когда ты говоришь о ней — уж меня задеваешь. И за тебя как-то больно, и стыдно. <...> И Юдифовну с ней рядом я поставить не могу («обе врут»). В ней есть такая редкая прямота и правда, которая нам всем нужна, как основание. Чтоб не на песке все было. И слушать ее надо внимательно. И терпеливо. И кое в чем слушаться. <...> Так вот и знай: С<ерафиму> П<авловну> в обиду не дам, нельзя так ругаться, хотя и между прочим. Она не пишет, потому что чувствует в вас ненадежность; около Бердяева, может быть, говорит, они обо мне еще с Бердяевым будут говорить, и письмо читать. Им Бердяев нужнее меня. Говорит — отрекусь и прокляну, если они с Бердяевым соединятся. Не могу, говорит. Выше моих сил. Значит, в них нет настоящего. Это значит предательство, дьявольщина, соединятся с Бердяевым — предадут Главное. И я не могу тогда им верить. К<арташ>ов говорил, что вы теперь стали мудрее и утяжелились, что он чувствует и знает, а С<ерафима> П<авловна> не верит. Потому что Бердяев Вам близок. Надо же еще!: у Бенуа Ал<ексей> Мих<айлович> видел барина, который спросил его: как живете? — „Да Бог помогает“... — „Фу ты, и вы опять о Боге! В Париже там Бердяев да Л<идия> Юдиф<овна> все время о Св. Духе да о Церкви Троицы говорят, прямо ужас“. Каково С<ерафиме> П<авловн>е! <...> Ты Бердяева еще мало пакостила за словоизвержение, надо за разврат больше бить».

16 марта.¹⁷² «<...> Я лично не по отношению к вам и нам на Бердяева восстаю. Совершенно независимо от нас он меня доводит до последних ступеней возмущения, когда я вспомню его книгу развратную.¹⁷³ Именно развратную. (Дайте же и мне власть поругаться.) Я вижу, что кругом завивается „дух времени“, хулиганствующее настроение, люди развращаются, облегчаются, окрыляются как мыльные пузыри, ужас накатывается, что теряют *слезы* подлинные, а плачут мыльными пузырьками и о себе тоскуют, зачем они пузыри о себе только и плачут. Трагично и ужасно. Я возмущаюсь, что у вас тоже свои „Кузнечики“ — Бердяев, вами соблазненный, разумный „Кузнечик“¹⁷⁴ — любя его, надо гнать, а не ласкать. Гнать от себя как от заразы, гнать как собаку, как бы нам надо было давно Кузнечика выгнать ради него самого.¹⁷⁵ Чулков — „мистический анархизм“. Бердяев — „мистический реализм“. Ужас один. Я радуюсь, что вы лекцией его возмутились. Это тем же, моим возмущением. С вами надежно — мы „заговорщики“. У нас нутро воспротестует, если и ум склонит голову. И Лид<ию> Юдиф<овну> — гнать беспощадно. Пусть сами. <...> Зина Бердяева в статье ласково и нежно упрекает — и даже говорит „люблю“ и под влиянием симпатии (пусть головной, это еще хуже ошибка, больней будет потом) к нему — написала всю статью в аристократическом благородном тоне¹⁷⁶ — вы <обращаясь к Философову. — М. П.> о Бердяеве сегодня в „Нашей газете“ тоже очень хорошо, благородно.¹⁷⁷ А от других от всех ключья летят. Вы не очень уму верьте, нутру тоже верьте, это живая „плоть“-то и протестует против пузырьности, кощунственности и разврата, „игры“, „легкости“ с тем и в том, с чем нельзя играть. Вот, например, Зина о всех сборниках в „Весах“.¹⁷⁸ Ругает Л. Андреева „дурак, как все герои у него“.¹⁷⁹ И его со всеми. Не дам я Леониду Андреева. Много гнуса, и „Проклятие зверя“¹⁸⁰ гадость, а „Голод-Царь“¹⁸¹ (по рассказам) такая же мерзость, переход границы, как „Чудо Св. Антония“ на сцене.¹⁸² Но

у него есть ужас перед непобедимостью „Ы“¹⁸³. Вот он считается и не боится правды, этого ужаса.¹⁸⁴ Да, ужас, и старухи в „Жизни Человека“, и „Василий Фивейский“¹⁸⁵ — не меньше ужас, не меньше гадость, не меньше тягость. Где у Бердяева тягость? Что, кроме слов?

Я одна за книгу и за слова его так ненавижу. Пусть он совсем от нас уйдет, и вы его отринете — я его так же и вечно буду ненавидеть, как Чулкова, Гофмана. Возмущаюсь до глубины. И боюсь этого своего отношения. И чувствую недоброе. Страдание о себе, отчего я пузырь? И пускает пузырчаток вместо слез.

Вы не думайте, что я осуждаю Бердяева, что он вечный пузырь. Я так не могу: ставить над человеком <так!> крест. Не ставлю никогда (спорила в этом насчет Бердяева и с С<ерафимой> П<авловной> и Ан<тоном> Влад<имировичем>, они меня ревновали к нему, что я за него). Может быть, и станет не пузырем — тогда я ему буду радоваться, и это вот сознание будущей радости Бердяеву как не пузырю дает мне свободу *сейчас* его ненавидеть какой-то праведной не личной ненавистью. Как я ненавижу, скажем, старого развратника, совращающего младенца. Мне кажется, что Бердяев развращает людей неискушенных, живых, которым грозит разродиться рано недоношенным ребенком, мертвым. Ужасная теперь атмосфера беспардонной развратности всеобщей: все ненастоящее, а „как бы“, и не отличишь „бриллианты Тэта“.¹⁸⁶

15 апреля. «Милая моя Зина, пожалуйста, ты ничего не говори Бердяеву из моих писем, ни о С<ерафиме> Павловне, ни о К<арташ>ове, ни обо мне. Встань на мое место, пойми мое беспокойство (потому что *никто* за другого не *поручится*) и исполни мою просьбу.

Я вот вспомнила Бердяева. Он <нрзб.>¹⁸⁷ что, переменялся? Какую-то он мне внушает ненадежность, „искренно-ненадежен“. Можно жалеть, может быть, любить, а не доверять, не раскрывать. Окрасится не так от него. Я тебе верила о нем, а теперь хочю и к себе прислушаться».

¹ 8 марта 1906 года состоялась очередная «среда» на Башне Вяч. Иванова, на которой было продолжено обсуждение темы предыдущего собрания (1 марта) — искусство будущего (см.: Шишкин А. Б. Симпозион на петербургской Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 50–51, 334–336; Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 172–174).

² В марте 1906 года С. Н. Булгаков и А. С. Глинка-Волжский на короткое время приезжали в Петербург (Булгаков преподавал в киевском Политехническом институте, из-за студенческих забастовок занятия были прекращены до сентября). В это время они готовили первые выпуски совместно редактируемой киевской газеты «Народ», визит на Башню отчасти был вызван переговорами о сотрудничестве с петербургскими авторами бывших «Вопросов жизни» (1905). О газете «Народ» см.: Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 198–224 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 1).

³ 13 марта 1906 года Глинка-Волжский, побывавший на квартире Мережковских в доме Мурузи, писал З. Гиппиус: «...Вас там никого нет, увы, квартира Ваша стала что-то вроде „Вишневого сада“, отданного-таки под дачи» (Amherst Center for Russian Culture (далее — *Amherst*, с указанием названия коллекции и шифра). Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 47).

⁴ В 1905–1907 годах Бердяев выступал в роли председателя собраний (симпозионов) на Башне Вяч. Иванова, см. об этом в мемуарном очерке: Бердяев Н. А. Ивановские среды: Русская литература XX века, 1890–1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1917. Т. 3. Кн. 8. С. 97–100.

⁵ Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963).

⁶ По-видимому, имеется в виду сообщение для Бердяева в письме Мережковских к Т. Гиппиус.

⁷ 19 марта 1906 года Карташев писал З. Гиппиус: «Бердяев приходил. Сегодня я заходил к нему, приносил книги из Публичной Библиотеки. Хочет изучать мистиков» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 650).

⁸ О какой именно статье Бердяева идет речь, из контекста неясно: ближайшая по времени к дате письма статья, отвечающая характеристике, — «О новом религиозном сознании (Д. Мережковский)» (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 147–188) — открывается эпиграфом из Иоанна (Иоан. 10: 30) и содержит цитаты и реминисценции из Нового Завета.

⁹ Манасейна Наталья Ивановна (Манасейна; 1869–1930) — детская писательница, вместе с П. С. Соловьевой издавала журнал для детей «Тропинка» (1906–1912) и вела издательство «Тропинки»; в журнале сотрудничали З. Гиппиус, Мережковский и Т. Гиппиус (в качестве иллюстратора), подробнее см.: Павлова М. М. Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (по «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144. Манасейна устраивала у себя журфиксы, на которых собирался близкий журналу круг литераторов и художников, преимущественно символистского направления.

¹⁰ Осип Дымов (наст. имя Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) — прозаик, драматург. В письме к М. М. Замятиной от 12–15 апреля 1906 года Л. Д. Зиновьева-Аннибал рассказывала: «Было весело, даже после ужина пели: Соловьева дивным контральто в темноте без аккомпанемента русск<ие> песни и романсы, потом заставили меня, и я с эффектом и позорно распушенным голосом Набанага, но осветила меня, т. к. я была в красном хитоне с оранжевой шалью. Эффект огромный, прямо фурор. <...> Комическая шутка вышла у Дымова. Он попросил позволение передразнить Вяч<есла>ва, читающего на Среде стихотворение. <...> Подражал В<ячесла>ву бесподобно, особенно в манерах...» (цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 186).

¹¹ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы, критик, профессор, ординарный академик (1909); сотрудничал в «Тропинке»; его жена — Вера Васильевна Пушкарёва-Котляревская (1870–1942) — актриса Александринского театра.

¹² Реминисценция из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина (ср.: «À moi l'rompon»; «Ко мне, мой помпончик!») — гл. «Поклонение Мамоне и покаяние»).

¹³ Мурашко Александр Александрович (до 1891 года Крачковский; 1875–1919) — художник-портретист, передвижник, член Нового общества художников и Общества российских художников; друг Н. И. Манасейной и П. С. Соловьевой.

¹⁴ «Факелы» — альманах, вышедший под редакцией Г. Чулкова; орган последователей «мистического анархизма»; в 1906–1908 годах вышло три книги. Здесь речь идет о только что вышедшем из печати первом альманахе. 30 марта Зиновьева-Аннибал сообщила Замятиной: «Прервала <рассказ о событиях. — М. П.> для Чулкова: принес „Факелы“! Прелестная книжка. Вышло пока всего 400 экз. Бумаги не хватило. Отправляют все в провинцию. Только после Пасхи выяснится разрешение цензуры...» (цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 178).

¹⁵ Мотив автоматизма и автомата (куклы, механической игрушки) в «дневниках» Т. Гиппиус, возможно, восходит к эссе Е. П. Иванова «Автомат» (1906), которое было написано под впечатлением от посещения одной из «сред» Вяч. Иванова, а также к его новелле «Зеркало и автомат» (впервые: Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2: Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. С. 455–465). В ряде работ Бердяева тема автомата осмысливается в контексте проблемы свободы личности, см., например, главу «Личность» в книге «О рабстве и свободе личности. Опыт персоналистической метафизики» (Париж: YMCA-Press, 1939; 2-е изд. — 1972; переизд. — М., 1995).

¹⁶ Яворская Лидия Борисовна (сценическая фамилия; урожд. фон Гюбенет, в первом браке кн. Бяратинская, во втором Полок; 1971–1921) — ведущая актриса Малого (Суворинского) театра.

¹⁷ По мнению Бердяева, аскетизм, отрицание естественных взаимоотношений «полов» не свойственны человеческой природе, а к тому же противоречат идее освящения «плоти» в новой (Иоанновой) церкви, которая должна вместить всю полноту «пола»; об этом Бердяев полемизировал с «тройственным союзом», см., например, его письмо к Философову от 14 апреля 1907 года: «...я плохо ощущаю пресловутую проблему аскетизма, слишком я для этого растительный человек, слишком физиологична высшая точка моего духа» (Русская литература. 2020. № 4. С. 230).

¹⁸ Бердяева Алина Сергеевна (урожд. княжна Кудашева) — мать Н. А. Бердяева, происходила из знатного графского рода, правнучка гр. Виктории Потоцкой и Антония Людвиг Октавия Шуазель-Гуфье.

¹⁹ Сестра Л. Ю. Бердяевой Евгения Юдифовна Рапп (урожд. Трушева; 1875–1960) жила в Париже вместе с мужем Евгением Ивановичем Раппом (1875/1868–1946; юрист, член партии эсеров, подробнее о нем см.: Гиппиус З. Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 16 (доп.). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. С. 440).

²⁰ Речь может идти об одном из двух изданий: *Сологуб Ф. 1) Политические сказочки*. СПб.: Шиповник, 1906; 2) *Книга сказок*. М.: Гриф, 1905.

²¹ Тармалама — пестрая плотная шелковая или полупшелковая ткань.

²² См. запись от 7 мая 1906 года.

²³ В августе 1906 года С. П. и А. М. Ремизовы гостили на даче у сестер Гиппиус на станции Карташевская (по Варшавской железной дороге).

²⁴ Летом 1906 года Ремизовы переехали с 5-й Рождественской улицы на Кавалергардскую (д. 8, кв. 28) в новый дом А. Н. Пундика, где арендовали квартиру с августа 1906-го до июля 1907 года; перед тем около месяца они были вынуждены поселиться у Мережковских в доме Мурузи; возможно, рассматривался вариант переселения к Бердяевым, которые летом жили в имение Трушевых Бобаки (станция Люботин Харьковской губернии).

²⁵ Имеется в виду одна из книг: *Бердяев Н. А.* 1) Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: М. В. Пирожков, 1907; 2) *Sub Specie Aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные.* СПб.: М. В. Пирожков, 1907 (составлена из статей Бердяева, опубликованных в сборниках и периодике в 1900–1906 годах).

²⁶ Речь идет о лидерах «Христианского братства борьбы» (далее — ХББ): Эрн Владимир Федорович (1882–1917) — религиозный мыслитель, историк философии, публицист; Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1939) — писатель, церковный публицист. Карташев стремился к сближению с ХББ («христианскими политиками» во главе с С. Н. Булгаковым). Программы ХББ см.: В. Ф. Эрн: *pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология* / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006. С. 59–88; *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. М., 2010. Т. 2 / Сост., подг. текста и комм. С. В. Черткова. С. 3–160. Мережковские и Философов относились к сближению с ХББ сдержанно, см.: *Гиппиус З.* Без мира // *Весы.* 1907. № 1. С. 57–65; *Философов Д. В.* Церковь и революция // *Век.* 1907. № 18. 13 мая. С. 252–253, и др.

²⁷ В 1903–1908 годах М. В. Пирожков был постоянным издателем книг Бердяева (как и Мережковских).

²⁸ Имеется в виду Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон, во втором Иванова; 1865–1907).

²⁹ В очерке «Ивановские среды» Н. Бердяев назвал собеседования об Эросе одной из центральных тем «башенных» симпозионов: «...речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вячеслав Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый и изыскный проф. Ф. Ф. Зелинский, и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевороченные античного Эроса...» (*Русская литература XX века. 1890–1910. Т. 3. Кн. 8. С. 97–98.*)

³⁰ Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — литератор, друг А. Блока, его корреспондент и автор воспоминаний о нем. История отношений Е. П. Иванова с Т. Н. Гиппиус запечатлена в записях и воспоминаниях Иванова о Блоке, см.: Александр Блок и Евгений Иванов. Кн. 2 (по указ.).

³¹ Т. Гиппиус давала частные уроки рисования; также в 1906/1907 учебном году преподавала рисунок в одном из женских учебных заведений Царского Села, предположительно в Женском училище духовного ведомства (здание на углу Московской и Дворцовой улиц, дом Ф. Оболенского), находившемся под покровительством царской семьи (основано Великой княжной Ольгой Николаевной в 1843 году), содержалось на средства Святейшего Синода.

³² По-видимому, речь идет о собраниях «Гафиза», первое состоялось на Башне 2 мая 1906 года (Бердяев был в костюме царя Соломона, описание вечера см.: *Кузмин М. А.* Дневник, 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 140). Бердяев был постоянным участником вечеров гафизитов, которые были возобновлены в сезон 1907/1908 года. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 67–98 (гл. «Петербургские гафизиты»); *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. статьей и прим. Г. А. Морева. СПб., 1998. С. 93, 98–99.

³³ Первая глава книги: *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. С. 1–32; впервые: *Вопросы философии и психологии.* 1907. Кн. 1 (86). С. 1–36.

³⁴ Событие нашло отражение в дневнике М. Кузмина, 9 ноября 1906 года он записал: «По городу говорят, что Ивановы сами устроили пожар, Городецкий сбежал от реферата, от среды, — вообще страшная ерунда» (*Кузмин М.* Дневник, 1905–1907. С. 260), см. также комментарий: «11 ноября 1906 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщила М. М. Замятниной: „Вчера было событие у нас: в три часа загорелись чердаки, смежные с нашей квартирой, и огонь, необыкновенно могучий и прекрасный, ворвался цветным морем в кухню. <...> Среда не состоится. Интимнейший кружок, однако, собрался-таки у Званцовой“» (Там же. С. 493).

³⁵ Кавалергардская улица, где жили Ремизовы, проходит поблизости от Таврического сада и Башни Вяч. Иванова (Таврическая ул., 35, дом Дернова).

³⁶ Апокрифическое сказание «О безумии Иродиادیном, как на земле зародился вихрь» вошло в книгу Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907. С. 5–25).

³⁷ В 1906 году в журнале «Весы» были напечатаны два рассказа З. Гиппиус: в июньской книжке — «Не то. Ненужная история» (№ 6. С. 15–38), в отношении героев рассказа просматриваются проекции на взаимоотношения Т. Гиппиус с Карташевым; в октябрьской книжке — рассказ «Мавруша» (№ 10. С. 11–16).

³⁸ Философское общество при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, основанное в 1897 году по инициативе М. В. Безобразовой (при участии А. И. Введенского, В. С. Соловьева, Э. Л. Радлова и др.).

³⁹ Выделенный текст подчеркнут и обведен автором. Иронически, подразумевается: вне внутренней жизни общины (вне «Целого»).

⁴⁰ Введенский Александр Иванович 1856–1925) — философ-кантианец, профессор, в 1890–1913 годах заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского университета, возглавлял Философское общество.

⁴¹ Петров Григорий Спиридонович (1867/1868?–1925) — священник (в 1908 году лишен сана), проповедник, общественный деятель, публицист, депутат II Государственной Думы; один из инициаторов группы Ревнителю церковного обновления (группы «32-х» петербургских священников); см.: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителю церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: документальная история и культурный контекст. М., 2015 (по указ.).

⁴² В хронике газеты «Речь» (1906. 26 нояб. (9 дек.). № 227. С. 5) сообщалось: «28-го ноября в зале Тенишевского училища Н. А. Бердяев прочтет лекцию „О великом инквизиторе Достоевском“ <так!>».

⁴³ Упоминаются: Георгий Иванович Чулков (1879–1939), Василий Васильевич Розанов (1856–1918) и его жена Варвара Дмитриевна Бутягина-Розанова (урожд. Руднева; ок. 1864–1923); Вальтер Федорович Нувель (1871–1949); Анна Павловна Философова (урожд. Дягилева; 1837–1912).

⁴⁴ Бердяев с детства страдал нервным тиком.

⁴⁵ Д. В. Философов.

⁴⁶ Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (1906–1918), далее — МРФО. Бердяев входил в группу членов-учредителей общества; подробнее см.: *Кейдан В.* На путях к граду земному // *Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья* и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 18–21; *Носов А. А.* От «соловьевских обедов» — к религиозно-философскому обществу // *Вопросы философии*. 1999. № 6. С. 85–98.

⁴⁷ Колачев Владимир Яковлевич (1871–1916) — выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1895); с 1897 года — священник Петропавловского собора, с 1911 года пресвитер собора Зимнего дворца, с 1913 года — протоиерей; активный участник группы Ревнителю церковного обновления; см.: *Балакшина Ю. В.* Братство ревнителю церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников)... (по указ.). Визит Колачева к Карташеву, возможно, был вызван готовящейся публикацией письма в редакцию «Века» о выходе из еженедельника (Век. 1906. № 5. 10 дек.).

⁴⁸ Доклад Бердяева «Великий Инквизитор Достоевского» был намечен в МРФО на конец 1906 года, о чем С. Н. Булгаков сообщал в письме к А. С. Глинке-Волжскому (около 15 ноября 1906 года) (*Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья* и комм. В. И. Кейдана. С. 113), позднее перенесен (Там же. С. 120).

⁴⁹ Сведений о лекции Бердяева, состоявшейся 14 декабря 1906 года, выявить не удалось. В хронике газеты «Страна», которая более или менее регулярно помещала информацию о публичных лекциях, сообщалось, например, о лекции С. Л. Франка «Фридрих Ницше и пробуждение индивидуализма», состоявшейся 15 декабря 1906 года в большой аудитории Соляного городка (Страна. 1906. 14 (27) дек. № 238. С. 4). 14 декабря Бердяев мог читать реферат «Великий инквизитор Достоевского», который в конце января был прочитан им в МРФО (опubl.: *Вопросы психологии и философии*. 1907. Т. 86 (январь–февраль). С. 1–36).

⁵⁰ Меонизм — метафизическая система Николая Максимовича Минского (наст. фам. Виленкин; 1856–1937), изложенная в его трактате «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890; 2-е изд. — 1897), в более систематизированной форме в книге «Религия будущего. Философские разговоры» (СПб., 1905).

⁵¹ Сергей Александрович Соллертинский (1846–1920) — профессор по кафедре педагогики Санкт-Петербургской Духовной академии, доктор богословия (1899), священник, митрофорный протоиерей (с 1911 года), действительный член Религиозно-философского общества, участник прений.

⁵² Религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге (ноябрь 1901 — апрель 1903), организованные по инициативе Мережковских, Минского, Розанова, Тернавцева, Философова и др.; стенограммы собранию печатались в журнале «Новый Путь» (1903–1904); затем были опубликованы отдельным изданием, подготовленным В. В. Успенским: *Записки петербургских религиозно-философских собранию (1902–1903)*. СПб., 1906 (анонс В. В. Успенского см.: *Церковный вестник*. 1906. 29 июня. № 26. С. 858–859); *Записки Петербургских религиозно-философских собранию (1901–1903 гг.) / Ред., послесловие и краткие сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. М., 2005*. См. также: *Гиппиус З. 1*) Первая встреча (К истории Петербургских Религиозно-Философских Собранию 1901–1903 гг.) // *Гиппиус З.* Неизвестная проза: В 3 т. СПб., 2003. Т. 3. Арифметика любви / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. С. 358–373 (первые: Последние новости (Париж). 1931. 2 авг. № 3785. С. 2–3; 4 авг. № 3786. С. 3–4); 2) Перед запрещением (Зима 1902–1903 гг. СПб-ских Религиозно-Философских Собранию) // *Гиппи-*

ус З. Незвестная проза. Т. 3. С. 373–390 (первые: Последние новости (Париж). 1931. 2 окт. № 3845. С. 3; 13 окт. № 3856. С. 2; 23 окт. № 3866. С. 2–3).

⁵³ После чтения в МРФО реферата В. П. Свенцицкого «Террор и бессмертие», состоявшегося 5 декабря 1906 года, по распоряжению полиции заседания были приостановлены.

⁵⁴ «Век» — еженедельник религиозно-общественной жизни и политики, редактор-издатель — В. А. Никольский, при ближайшем участии А. В. Карташева и К. М. Аггеева; орган «Братства ревнителей церковного обновления»; выходил с 12 ноября 1906 года по 5 июля 1907 года; в декабре 1906-го Карташев вышел из редакции «Века» (см. его письмо в редакцию: Век. 1906. № 5. 10 дек.), но продолжал в нем печататься.

⁵⁵ См.: *Карташев А. К* полемике с Д. В. Философовым // Век. 1906. № 7. 24 дек. С. 85–86. Отклик на саркастический выпад Д. Философова в статье «Бунтующие институтки» (Товарищ. 1906. 8/21 дек. № 134. С. 2) в связи с выходом первого номера еженедельника «Век». В ерническом тоне Философов предлагал церковным либералам присоединиться к освободительному движению. Карташев порицал Философова за слишком «иронический и беспощадный» тон статьи, но всецело поддержал критику «обновленцев»: «Философов, Мережковский и Ко. — все мы люди одного отношения к христианству и церкви, недостаточно еще говорили о нем *urbi et orbi* и мало с откровенностью и прямотой писали, потому что говорить об этом еще кое-где можно, но писать положительно негде. <...> то, что можно было бы сказать, не находит места ни в светской, ни в духовной печати. Только черносотенным „бурсакам“ из Колокола кажется, будто мы, сотрудничая в „жидовской прессе“, вполне отводим на этом душу. Нет, мы там можем лишь бросать туманные намеки на то главное, чем мы действительно боеем. Живем и горим, ибо все это невыразимо в слове без тщательных углублений в религиозную метафизику, в мистику религиозного опыта, в дребни богословия: материи — нетерпимые для позитивных политических газет. И приходится писать лишь с одной, общепонятной стороны, лишь намекая на другую, принципиальную, всему дающую смысл. Церковно же либеральная пресса, воображая себя широко терпимой, на самом деле фанатически ортодоксальная, когда дело коснется привычных основ христианства. Пересмотр их она не выносит» (*Карташев А. К* полемике с Д. В. Философовым. С. 85–86). В письме к Глинке-Волжскому от 14 декабря 1906 года Булгаков сообщал: «Читали ли Вы безвкусную и недобрую выходку Д<митрия> Вл<адимировича>, в которой совершенно определенно слышатся супруги Мережковские, против „Века“ и „институток“? Мне было больно читать, и эта отчужденность опять почувствовалась» (Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. С. 120–121).

⁵⁶ Об этом же Бердяев писал З. Гиппиус 27 марта 1906 года: «...я с ужасом смотрю, чтобы Ваше религиозное развитие не пришло к церкви, из которой опять выходит и вся история, и вся культура, и плоть мира. Боюсь монастыря, боюсь аскетического отречения» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 297).

⁵⁷ 14 апреля 1907 года Бердяев писал Философову: «В таинстве я почти физически нуждаюсь, и возможно даже, что я начну приобщение к таинствам в церкви» (Русская литература. 2020. № 4. С. 232); см. об этом же в письме от 22 апреля 1907 года (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 307). В «дневниках» Т. Гиппиус спорам и разговорам о принятии таинств в «исторической» («Петровской») церкви отведено значительное место; Карташев, как и Бердяев, считал для себя противоестественным порывание евхаристического общения с Православной церковью.

⁵⁸ Е. Ю. Рапп, см. прим. 19.

⁵⁹ Карташев входил в круг приглашенных авторов несостоявшегося парижского сборника Мережковских и Философова под общим заглавием «Меч», по предварительному плану предполагалось издать две части: «Самодержавие и русская революция» и «Анархия и теократия». Опубликована была только первая — «Le Tsar et la Révolution» (Paris: Société du Mercure de France, 1907) — со статьями Мережковских и Философова. Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 345–350; *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 178–198; а также во вступительной статье в книге: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999. С. 13–22 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 4).

⁶⁰ 30 декабря 1906 года на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской состоялась премьера пьесы А. Блока «Балаганчик» (постановка В. Э. Мейерхольда, декорации Н. Н. Сапунова, музыка М. А. Кузмина), в тот же вечер в театре шла пьеса М. Метерлинка «Чудо странника Антония» (оригинальное название: «Чудо святого Антония»). Подробнее о премьере «Балаганчика» см.: *Рудницкий К. Л.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 88–95; Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. В. Н. Орлова. М., 1980. Т. 1. С. 424–426; Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1982. Кн. 3. С. 264–265 (Лит. наследство. Т. 92).

⁶¹ Персонаж пьесы «Чудо святого Антония» — госпожа Гортензия Ортанс, обладавшая несметным богатством; съехавшиеся на ее похороны наследники становятся свидетелями чуда — воскресения усопшей, которое совершает Антоний по молитве Виргинии — служанки Ортанс.

⁶² Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — художник, участник объединения «Мир искусства».

⁶³ Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) — живописец, график, театральный художник, участник объединения «Мир искусства», автор портрета З. Н. Гиппиус (1906). Об истории отношений см.: *Теркель Е. А.* «Вспоминать свое, бывшее или почти бывшее, — желанное...»: Письма Зинаиды Гиппиус Льву Баксту // *Вестник истории, литературы, искусства.* 2016. Т. 11. С. 416–433.

⁶⁴ С декабря 1906-го по февраль 1907 года А. Белый находился в Париже, постоянно виделся с Мережковскими. О взаимоотношениях Бердяева и Белого см.: *Бойчук А. Г.* Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // *Изв. РАН. Сер. литературы и языка.* 1992. Т. 51. № 2. С. 18–35; *Бердяев Н. А.* Письма Андрею Белому / Предисловие, публ. и прим. А. Г. Бойчука // *De Visu.* 1993. № 2 (3). С. 12–23. См. также главку «Центральная станция» в главе 8: *Белый Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 492–484 (сер. «Литературные памятники»).

⁶⁵ Службы и совместные моления в младшем «гнезде» совершались по четвергам и субботам и соответственно назывались Четвергами и Субботами.

⁶⁶ Ирина Васильевна Трушева (1849–1939).

⁶⁷ Слова популярного в начале XX века анонимного куплета; процитированы в статье Бердяева «Преодоление декадентства» (впервые: Московский еженедельник. 1909. № 19. 16 мая), полный текст: «Ходит птичка весело / По тропинке бедствий, / Не предвидя от сего / Никаких последствий». О рецепции куплета в русской прозе конца XIX — начала XX века см.: *Меррилл Дж.* Стихотворные тексты и подтексты в пьесе Ф. Сологуба «Заложники жизни» // *Предсимволизм — лики и отражения* / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2020. С. 363–364.

⁶⁸ В тексте рисунок пером: черт и шишига.

⁶⁹ Татьянин день, который праздновали 12 января по старому стилю.

⁷⁰ Ср. в письме Бердяева к Философовой от 22 апреля 1907 года: «...никогда я не признаю, что божественное величие Христа — в Голгофе. Если бы я видел в Христе лишь героизм его страдания, то я бы поставил выше Его какого-нибудь античного мудреца, циника и эпикурейца. <...> Религиозного садизма я терпеть не могу, не верю в жестокого Бога и вижу религиозную жизнь только в благодати» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 315).

⁷¹ См. запись от 16 января 1907 года.

⁷² Речь идет об очередной «среде» на Башне Вяч. Иванова, которая состоялась 24 января 1907 года. Подробный рассказ о ней см.: *Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов* / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // *Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов.* М., 2004. С. 444–445.

⁷³ Доклад Н. Бердяева «Декадентство и мистический реализм» впервые опубл.: *Русская мысль.* 1907. № 6. С. 114–123; в книге Бердяева «Духовный кризис интеллигенции» (СПб., 1910).

⁷⁴ Гофман Модест Людвигович (1887–1959) — поэт, историк литературы, пушкинист, с 1907 года — секретарь издательства «Оры», друг дома Ивановых.

⁷⁵ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) — церковный публицист, историк церкви, один из участников группы ХББ, в 1905 году секретарь МРФО, член редакции еженедельника «Век»; священник (с 1926 года).

⁷⁶ Дьяконов Александр Петрович (1873–1941) — историограф, историк первых веков христианства, магистр богословия (1909).

⁷⁷ 4 февраля 1907 года Карташев писал Философовой: «Бердяев только что приехал из Москвы. Читал там реферат в Религиозно-Философском Обществе. Затекает открыть такое же и здесь. В субботу у него учредительное собрание» (*Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus.* P. 673).

⁷⁸ Участники совещания (Бердяев, Булгаков, Ельчанинов, Свенцицкий, Эрн) были членами-учредителями Московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Устав Санкт-Петербургского РФО был создан на основе Устава МРФО, о чем Карташев сказал в своем вступительном слове перед первым заседанием РФО 3 октября 1907 года (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева; подг. текста О. Т. Ермишина, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; прим. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, С. В. Мартыанова, О. В. Самоцветова, Л. В. Хачатурян; сост. хроники А. А. Ермичев; сост. аннотированного списка С. М. Половинкин. М., 2009. Т. 1. 1907–1909. С. 34).

⁷⁹ На «среде», состоявшейся 14 февраля 1907 года, М. А. Волошин читал реферат «Пути Эроса», в диспуте участвовали Бердяев и Вяч. Иванов; после диспута читали стихи, М. Кузмин играл на флейте, М. Сабашникова танцевала (*Кузмин В.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. СПб., 2002. С. 174); Кузмин читал дневник (*Кузмин М.* Дневник: 1905–1907. С. 322); подробнее о вечере см.: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 6. Кн. 2.

Проза 1900–1927 / Под общей ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой; сост., подг. текста А. В. Лаврова; комм. К. М. Азадовского, О. А. Бригадной, З. Д. Давыдова и др. С. 826–827 (комм.).

⁸⁰ Содержание лекции отражено в статье В. П. Свенцицкого «Религиозный смысл „Бранда“ Ибсена» (*Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2. С. 189–212). В январе–марте 1907 года Свенцицкий не раз выступал с докладами в заседаниях «Братства ревнителей церковного обновления» (на Стремянной ул., 19), 22 января он читал «Ценность личности с христианской точки зрения» (отчет см.: Церковное обновление. 1907. № 5 (4 февраля). С. 38–39); 2 марта — «О жизненной правде» (отчет и обзор прений: Там же. 1907. 11 марта. № 10. С. 78–79) и др. Интерес к проблематике «Бранда» отчасти был подогрет постановкой драмы Ибсена на сцене Московского художественного театра (преьера: 20 декабря 1906 года) и публикациями вокруг нее (Ельчанинов, например, писал: «Я не берусь исчерпать этой маленькой заметкой того неисчерпаемого количества тем и мыслей, которые заключаются в драме. Я отмечу здесь лишь то, что особенно поразило меня своей близостью к современности. Таких вопросов три: 1) Бог и жизнь, 2) Церковь и государство, 3) Истинный пастырь и народ» (*Ельчанинов А.* «Бранд» драма Ибсена // Век. 1907. № 3. 21 янв. С. 42–43).

⁸¹ См.: Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 294–325; Русская литература. 2020. № 4. С. 218–233.

⁸² Вероятно, речь идет о конфронтации Карташева с Мережковскими по вопросу принятия церковных таинств, см.: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 233, 237–238.

⁸³ См.: Письма А. В. Карташева к З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому и Д. В. Философовой // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. P. 649–712; *Amerst. Merezhkovsky's Papers*. Box 2. Folder 58; Box 6. Folder 21.

⁸⁴ См. письмо Бердяева к Философовой от 14 апреля 1907 года: Русская литература. 2020. № 4. С. 230–233.

⁸⁵ В письме к Т. Гиппиус от 29 декабря 1906 (8 января 1907) года Философов сообщал: «У нас по субботам днем idiotские „приемы“. Технически они очень удобны. Дают нам право в остальные дни никого не принимать. Но морально они действуют угнетающе. Толпа ненужных людей» (*Павлова М. М.* Письмо Д. В. Философова к Т. Н. Гиппиус (Из комментариев к письмам-дневникам Т. Н. Гиппиус 1906–1908 гг.) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 229–242).

⁸⁶ Имеется в виду Исаакиевский собор (преподобного Исаакия Далматского) — крупнейший православный храм Санкт-Петербурга.

⁸⁷ Клепинина Софья Александровна (урожд. Степанова; 1873–1922), кузина Гиппиус (сестра В. А. Степанова); жена архитектора Андрея Николаевича Клепинина; учительница.

⁸⁸ Екатерининский концертный зал для прихожан Шведской евангелическо-лютеранской церкви (Малая Конюшенная ул., д. 1) располагался во флигеле примыкающего к ней доходного дома на Малой Конюшенной улице (д. 3), окнами во двор церкви. В начале XX века зал использовался для организации концертов, выставок («Мир искусства» и др.), публичных лекций, литературных вечеров.

⁸⁹ Доклад «Отчего падает христианство» Розанов опубликовал в книге «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб, 1910), под заглавием «Отчего левые побеждают центр и правых».

⁹⁰ Аггеев Константин Маркович (1868–1920) — священник, преподаватель Ларинской гимназии, Высших женских Бестужевских курсов, Александровского института; церковный публицист; один из лидеров «Братства ревнителей церковного обновления» (см.: *Балакишина Ю. В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 (по указ.); действительный член РФО; с апреля 1917 года председатель Учебного комитета при Св. Синоде, член Поместного Собора русской православной церкви.

⁹¹ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев; 1871–1945) — философ, сын философа А. А. Козлова, первый председатель (1908–1909) Петербургского РФО и один из его учредителей; вышел из Общества в декабре 1914 года; участвовал в работе Санкт-Петербургского (Петроградского) Философского общества при Санкт-Петербургском (Петроградском) университете.

⁹² Медведь Ярослав-Роман Иванович (1874–1937) — товарищ А. В. Карташева, окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1898), священник церкви св. Марии Магдалины при училище лекарских помощников, в октябре 1908 года назначен настоятелем Томашовской церкви Варшавской епархии; в том же году переведен в Севастополь настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора. В 1918 году — настоятель собора Василия Блаженного; в 1931 году арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре, отбывал наказание в лагере в Кемь. В 2000 году причислен к лику священноисповедников. См. о нем: *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 288–367.

⁹³ М. Л. Гофман, см. прим. 74.

⁹⁴ Примечание Т. Н. Гиппиус: «не состоялось то раньше, потому что нельзя в ученическом зале устраивать собрания, Бердяев сам виноват».

⁹⁵ Вероятно, речь идет о фотопортрете З. Н. Гиппиус в белом платье, ставшем своего рода визитной карточкой писательницы: Фотоателье «Отто Ренар». Москва. 1904 год (Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. № 6443).

⁹⁶ Первое заседание РФО состоялось в воскресенье 8 апреля 1907 года. В печати сведения о дате заседания были противоречивы, газета «Речь» сообщала: «Религиозно-философское общество еще не легализовано. Была сделана попытка устроить собрание для выслушивания доклада В. В. Розанова „О причинах упадка христиан<ства>“, но собрание не было допущено градоначальником» (Речь. 1907. 8 апр. № 83). Через неделю об открытии РФО в рубрике «Религиозно-общественная хроника» писал еженедельник «Век»: «В недалеком будущем в Петербурге предстоит открытие „Религиозно-философского общества“, о котором в свое время сообщалось у нас. Одно из подготовительных заседаний состоялось 8 апреля. Оно происходило под председательством С. Н. Булгакова. Докладчиком выступил известный религиозный мыслитель В. В. Розанов с рефератом на тему „Отчего падает христианство“. В прениях приняли участие: Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов, священ. К. Аггеев, священ. Я. И. Медведь, А. В. Карташев и др. <...> Скрытая мысль доклада В. В., скорее — вопрос об отношении христианства к жизни, — давно уже волнующий его, затенилась удивительно легкой аргументацией» (Век. 1907. № 15. 15 апр. С. 208–209). А. А. Ермичев, основываясь на сообщениях «Речи» и «Века», предполагает, что первое «пробное» заседание РФО состоялось между 8 и 15 апреля 1907 года (Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. СПб., 2007. С. 15–16). В «дневниках» Т. Гиппиус дважды зафиксировано, что собрание состоялось в воскресенье 8 апреля, без официального разрешения (оно было получено осенью).

⁹⁷ Семенов Леонид Дмитриевич (Семенов-Тянь-Шанский; 1880–1917) — поэт, прозаик, внук ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

⁹⁸ Абрамович Дмитрий Иванович (1873–1955) — филолог, палеограф; соученик и ближайший товарищ Карташева по Санкт-Петербургской Духовной академии, по окончании в 1898 году занял должность доцента на кафедре русского и старославянского языков и истории русской литературы (его деятельностью руководил А. А. Шахматов). В 1909 году уволен Синодом по причине «неблагонадежности», впоследствии преподавал историю русской литературы и языка, церковнославянский язык и палеографию на Высших женских курсах; действительный член РФО. В 1910–1927 годах — сотрудник Отдела рукописей Публичной библиотеки; член-корреспондент АН РСФСР (1921); в 1927 году арестован, осужден, пять лет отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. По освобождении преподавал в Смоленском педагогическом институте; после войны — профессор Вильнюсского университета (преподавал историю русского литературного языка). См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь / Ред. Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795–1917. С. 37–41.

⁹⁹ В Екатерининском зале в это время проходила открывшаяся в феврале 1907 года Четвертая выставка «Нового общества художников». Экспонировались полотна К. Ф. Богаевского, портрет Ф. И. Шалапина в роли Демона кисти А. Я. Головина, картины А. В. Средина, Н. П. Крымова и др.; скульптуры Д. С. Стеллецкого и С. Т. Коненкова.

¹⁰⁰ Имеется в виду выставка художников «Мир искусства», открытая в Екатерининском зале в марте 1906 года Сергеем Павловичем Дягилевым (1872–1929). Т. Гиппиус была на открытии 9 марта, о чем писала в своих «дневниках» (*Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 20*). Выставка имела колоссальный успех и широкое, по большей части восторженное, освещение в прессе, см.: *Тароватый Н.* На выставке «Мир Искусства»: Впечатления // Золотое руно. 1906. № 3. С. 123–125; № 5. С. 72–74; *Сюннерберг К.* Выставка «Мира искусства» // Весы. 1906. № 3–4. С. 64–69; *Маковский С.* Художественные заметки. IV // Страна. 1906. 10 (23) марта. № 17. С. 5.

¹⁰¹ Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860–1923).

¹⁰² В «Записных книжках» Блока за 1907 год запись о посещении первого заседания РФО 8 апреля отсутствует (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965; дневник Блока за 1907 год не сохранился).

¹⁰³ Озаровская Дарья Михайловна (урожд. Мусина-Пушкина, по сцене Мусина, в др. браках Глебова, Апушкина; 1873–1947) — актриса Александринского театра, жена режиссера Ю. Э. Озаровского. Л. Д. Блок брала у Мусиной уроки постановки голоса.

¹⁰⁴ Шервуд Леонид Владимирович (1871–1954) — скульптор, младший сын архитектора и скульптора В. О. Шервуда, брат скульптора и архитектора В. В. Шервуда, учился в Высшем художественном училище Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева, друг В. В. Кузнецова.

¹⁰⁵ Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867–1924) — поэтесса и детская писательница, редактор и издатель (совместно с Н. И. Манасеиной) журнала «Тропинка», сестра философа В. С. Соловьева; была близка с сестрами Гиппиус, см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. С. Соловьевой / Вступ. статья, подг. текста и прим. О. А. Блиновой // Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. М., 2018. Кн. 1. С. 858–888 (Лит. наследство. Т. 106); *Гиппиус З. Н.* Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч. Т. 13. У нас в Париже. С. 410 (впервые: Возрождение. 1959. № 89. Май. С. 118–124).

¹⁰⁶ Ге Николай Петрович (1884–1920) — искусствовед, сотрудник журнала «Мир искусства»; внук художника Н. Н. Ге; друг Блока и Е. П. Иванова.

¹⁰⁷ Манасеина Екатерина Михайловна (Манасеина; 1889 — ок. 1955) — дочь Н. И. Манасеиной. В 1916 году окончила Dramатические курсы петербургского императорского Театрального училища, в 1916–1918 годах выступала на сцене Александринского театра в эпизодических ролях и массовых сценах, участвовала в постановке «Маскарада» В. Э. Мейерхольда (1917).

¹⁰⁸ Егоров Ефим Александрович (1861–1935) — журналист, секретарь религиозно-философских собраний и редакции журнала «Новый Путь» (1903–1904).

¹⁰⁹ Предположительно, Василий (Вильгельм) Иванович Гиппиус (псевд. В. Герси; 1853–1918) — литератор, переводчик с итальянского (Данте, Петрарка и др.); чиновник Министерства внутренних дел, действительный статский советник; его сыновья (троюродные братья сестер Гиппиус): поэт-символист Владимир (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский; 1876–1941); Александр (псевд. Александр Надеждин, Г. Заронин; 1878–1942) — товарищ А. Блока в университетские годы; Василий (1890–1942) — переводчик, литературовед.

¹¹⁰ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, политический деятель, идеолог либерального консерватизма, один из основателей партии народной свободы (конституционно-демократической); с 1906 года редактор журнала «Русская мысль»; член Совета РФО, в 1914 году вышел из Совета в знак протеста против исключения В. В. Розанова.

¹¹¹ Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — художник-пейзажист, в 1904 году вошел в Новое общество художников, участвовал в выставке 1907 года. В художественной хронике «Золотого руна» Конст. Эрберг назвал полотна Богаевского в числе наиболее интересных работ, представленных на выставке в Екатерининском зале (Золотое руно. 1907. № 3. С. 73).

¹¹² В прениях по докладу выступали: К. М. Агтеев, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, Б. Г. Столпнер, П. Б. Струве. См.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. С. 15–16.

¹¹³ Позднее Струве вспоминал: «Присутствовавшие на этом собрании С. Н. Булгаков и я возражали тогда же против этой, на наш взгляд, совершенно некритической идеализации материалистического радикализма 60-х годов, преподносимой рядом с довольно грубым высмеиванием христианства» (*Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 273).

¹¹⁴ Столпнер Борис Григорьевич (1871–1967) — переводчик философской литературы (Г. Геффдинг, Э. Кассирер, Г. Гегель и др.), участник социал-демократического движения; сотрудник «Еврейской энциклопедии»; действительный член РФО с 1913 года. О личности Столпнера и его взаимоотношениях с Розановым (от близости до разрыва в 1914 году) см.: *Кацис Л. Б. Г. Столпнер о еврействе* // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 259–269.

¹¹⁵ В прениях участвовали священники К. М. Агтеев и Я. И. Медведь, см. прим. 90, 92.

¹¹⁶ С. Н. Булгаков учился в Ливенской духовной семинарии, в 1889 году оставил ее и поступил в Елецкую гимназию, где в 1887–1891 годах преподавал В. В. Розанов (географию и историю). Во время прений Булгаков заметил, что в гимназии они стояли на противоположных позициях, Булгаков — последователь Д. И. Писарева, верил в науку и прогресс, Розанов защищал идеализм, а теперь поменялись местами (подробнее см.: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. С. 16).

¹¹⁷ Возможно, имеется в виду философ Лев Шестов (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), с которым Бердяев был дружен со времен киевской молодости.

¹¹⁸ Алехина Анна Васильевна (урожд. Кроль) — домашняя учительница, подруга Т. Гиппиус.

¹¹⁹ Вальтер фон Рейнгольд (R. von Walter; 1882–1965) — поэт, прозаик, искусствовед, переводчик; переводил на немецкий язык А. Блока, В. Брюсова, русских классиков XIX–XX веков; сотрудник берлинского издательства «Скифы»; сын пастора церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

¹²⁰ Из «дневников» Т. Гиппиус следует, что в продолжение 1906–1907 годов С. П. Ремизова постоянно порывалась ехать в Париж к Мережковским для «разговоров» — выяснения их религиозно-общественной позиции и «программы» действий.

¹²¹ Андрей Белый был приобщен Мережковскими к «Главному» в январе 1905 года, о чем оставил запись в материалах к биографии, см.: *Белый Андрей.* Автобиографические своды:

Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2016. С. 113–114 (Лит. наследство. Т. 105).

¹²² Е. Ю. Рапп, см. прим. 19.

¹²³ *Философов Д. В.* Церковь и революция // Век. 1907. № 18. 13 мая. С. 252–253. В статье дана оценка общественной позиции «Братства ревнителей церковного обновления» и ХББ — с леворадикальной позиции. В том же номере напечатан ответ В. П. Свенцицкого «О новом религиозном сознании. По поводу статьи Д. В. Философова». Чуть позднее в полемику включился Бердяев, опубликовавший статью «К вопросу об отношении христианства к общественности» (Век. 1907. № 24. 24 июня. С. 370–375).

¹²⁴ Еп. Михаил (Павел Васильевич Семенов; 1874–1916) — богослов, публицист, духовный писатель; с 1903 года приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии, по кафедре церковного права, архимандрит и экстраординарный профессор Московской духовной академии, активный участник религиозно-философских собраний (со стороны иерархии); в 1907 году перешел в старообрядчество, в 1908-м хиротонисан в епископа Канадского, в 1910 году запрещен в священнослужении старообрядческим Собором; глава группы «голгофские христиане», в основе его учения — возвращение к идеалам первого христианства (автор повести «На заре христианства», 1913). В мае 1911 года за радикальные высказывания был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1908–1912 годах занимал важное место в религиозно-общественных планах Мережковских. См. о нем: *Гиппиус З. Н.* Синяя книга // Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 т. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николокина. М., 1999. Т. 1. С. 429–431; см. также: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3. 1914–1917 (по указ.).

¹²⁵ В статье «Церковь и революция» Философов в скептическом тоне очертил эволюцию о. Михаила: от церковника, который был специально выписан митрополитом Антонием (Вадковским) из провинции «громить» «еретиков» и «интеллигентов» на религиозно-философских собраниях — до архимандрита-общественника. В декабре 1906 года о. Михаил был отстранен Синодом от преподавания в Московской духовной академии за принадлежность к народно-социалистической партии и сочувствие религиозной общественности. В защиту о. Михаила выступил Карташев, см.: *Карташев А.* 1) Путаница церковного сознания // Страна. 1906. 12 (25) дек. № 236. С. 1–2; 19 дек. (1 янв.), № 242; 2) Безжизненность церкви // Там же. 1906. 19 дек. (1 янв. 1907). № 242. С. 2.

¹²⁶ В своей статье Философов фактически поставил на одну ступень умеренно-либеральных «обновленцев» и радикальных «христианских социалистов» (ХББ), заявив: «Пусть нам докажут, что последовательный социализм, или хотя бы даже „кадетизм“ совместимы с православием, и тогда не только „братство церковного обновления“, но и более радикальный „христианский союз“ (С. Булгакова, Эрн, Свенцицкого и др.) будут иметь почву под ногами, найдут целостное миросознание, приобретут единство действий. Пока же этого нет, „братство“ лишь любопытный „инцидент“, показывающий, насколько длинная ряса мешает стать... кадетом»; об органе «обновленцев» «Век»: «Это люди двойственной природы. С религиозной точки зрения — они православные, с общественной же — отнюдь нет. Откажутся ли они от общественности, оставшись православными, или откажутся от религиозности, став общественными, — мы тоже не знаем» (Там же. С. 253). Следом «Век» поместил статью В. Свенцицкого «О новом религиозном сознании (По поводу статьи Д. В. Философова)», в которой тот заявил: «Статья Д. В. Философова касается „Братства ревнителей церковного обновления“, но так как из нее ясно, что Д. В. Философов не делает никакой принципиальной разницы между обновленцами и „более радикальным христианским союзом Булгакова, Эрн, Свенцицкого и др.“, — то я в праве все сказанное по существу в отношении Братства относить и к себе. Очевидно, дело здесь не в том, что обновленцы объявляют себя кадетами, а мы социалистами, а в том, что и у тех, и у других, по г. Философову, политика органически не связана с религией, общественность внерелигиозна, так как не может иная общественность, кроме самодержавной, действительно, а не внешне стать христианской общественностью. Я не буду защищать Братство ревнителей. В оценке его деятельности у нас с г. Философовым много точек соприкосновения. Из других мотивов, но я также утверждаю, что это не более и не менее как „профессиональный союз“, что не нужно преувеличивать религиозного его значения, что либеральное христианство „полу-истина“, что либеральный священник не апостол новой, грядущей Церкви, но в лучшем случае искренний член партии народной свободы» (Там же. С. 253). На эти статьи откликнулся Бердяев: «И Философов, и Свенцицкий не удовлетворили меня, хотя я несравненно более единомыслен с первым, чем со вторым. Настроение обеих статей показалось мне нерелигиозным, более революционным, более человеческим, чем божеским» — и далее автор развивает этот тезис (*Бердяев Н.* К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. № 24. 24 июня. С. 370).

¹²⁷ Примечание Т. Н. Гиппиус: «сообща любимый, так чувствуется, объективно».

¹²⁸ Речь идет об отъезде Бердяевых на лето в Люботин (Харьковской губернии), в имение Трушевых Бобаки.

¹²⁹ См. прим. 64.

¹³⁰ Бердяев происходил из дворянской семьи; отец — Александр Михайлович Бердяев (1837–1916), киевский уездный предводитель дворянства, председатель правления Киевского земельного банка; из потомственных военных (офицер-кавалергард, сын генерал-лейтенанта), мать — А. С. Бердяева (см. прим. 18); подробнее о семье и воспитании см.: *Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской биографии* / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991. С. 13–42 (гл. 1 «Истоки и происхождение. Я и мировая среда. Первые двигатели. Мир аристократический»).

¹³¹ Имеется в виду статья Бердяева «Нигилизм на религиозной почве» (Век. 1907. № 17. 6 мая. С. 231–233); позднее помещена в книгу: *Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 201–208. Бердяев рассматривает Победоносцева как идеолога единства государственного абсолютизма и православия: «...искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни» (*Бердяев Н. Нигилизм на религиозной почве* // Век. 1907. № 17. 6 мая. С. 231).

¹³² Вероятно, имеется в виду пассаж Бердяева: «Папоцезаризм и цезаропапизм, папа — заместитель Христа и царь — заместитель Христа, одинаково выросли из безрелигиозного, атеистического отношения к земному человечеству, держатся на неверии в богочеловечество и богочеловечность исторических судеб, на неверии в то, что сам Христос будет царствовать на земле (хилиазм)» (Там же. С. 232).

¹³³ Тема, неоднократно поднимавшаяся Философовым в печати, получила оформление в статье «Царь-Папа» («Le Tsar Pape»); *Merejkovsky D., Hippus Z., Filosofov D. Le Tsar et la Révolution*. Paris: Société du Mercure de France, 1907. P. 17–85; *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция*. С. 63–102.

¹³⁴ Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945) — поэт, религиозный проповедник. В апреле 1907 года Карташев встречался с Добролюбовым и обсуждал религиозную доктрину Мережковских, о чем имеются упоминания в «дневниках» (*Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 31*).

¹³⁵ Т. Гиппиус подразумевает философско-эстетическую теорию, изложенную Г. Чулковым в книге «О мистическом анархизме», со вступительной статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира» (СПб.: Факелы, 1906), в которой вслед за Мережковскими видит вульгаризацию их идей; см. резко отрицательные (уничижительные) отклики на книгу Чулкова: *Крайний А. [Гиппиус З. Н.]. Иван Александрович — неудачник* // Весы. 1906. № 8. С. 48–51; *Философов Д. В. Мистический Анархизм: декаденство, общественность и мистический анархизм* // Золотое руно. 1906. № 10. С. 58–65; см. также: *Белый Андрей. Георгий Чулков. «О мистическом анархизме»* // Золотое руно. 1906. № 7. С. 174–175; 2) О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д. // Золотое руно. 1907. № 1. С. 61–64; 3) На перевале. VII. Штемпелеванная калоша // Весы. 1907. № 5. С. 49–52, и др. См. также: *Бердяев Н. Бунт и покорность в психологии масс* // Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909). СПб., 1910. С. 75–76 (впервые: Московский еженедельник. 1907. 18 дек. № 50).

¹³⁶ Фразеологизм, восходит к Новому Завету: Мф. 7: 6.

¹³⁷ Подразумевается аналитическая рецензия З. Гиппиус на сборник ХББ «Вопросы Религии» (М., 1906), в которой она доказывала, что заявившие об общности христианской позиции Свенцицкий (автор статьи «Христианское отношение к власти и насилию») и Булгаков (автор статьи «Церковь и социальный вопрос»), на самом деле, таковой не имеют (см.: *Гиппиус З. Без мира* // Весы. 1907. № 1. С. 57–65). В письме к Философову от 22 апреля 1907 года Бердяев критиковал Гиппиус за эту, по его мнению, умную, но несправедливую статью: «З. Н. противопоставляет антиобщественной религии Булгакова свою общественную религию, но ведь я знаю, что Булгаков общественник до мозга костей, а З. Н. никогда никакого отношения к общественности не имела» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 311).

¹³⁸ Иов многострадальный (Ветхий Завет. Книга Иова) упоминается в Новом Завете как пример твердости человека, страдающего безосновательно, по воле и проведению Господа. Пять фрагментов книги Иова прочитываются в богослужениях Страстной седмицы.

¹³⁹ См. прим. 128.

¹⁴⁰ «Религия и жизнь» — журнал христианско-либерального направления, редактор-издатель В. А. Говоров; выходил короткое время после «Века», закрытого в июле 1907 года; редакция распалась после публикации скандального романа Свенцицкого «Антихрист» (СПб., 1908), в котором он вывел своих друзей в сильно преувеличенных, гротескных тонах.

¹⁴¹ Франк Семен Людвигович (1877–1950) — философ, сотрудник журнала «Русская мысль», участвовал в сб. «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909); действительный член РФО; с 1912 года приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

¹⁴² Первое официально разрешенное заседание РФО состоялось 3 октября 1907 года в зале Географического общества (Чернышев пер., д. 2) под председательством С. А. Аскольдова. Слушали доклад Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании» (анти-Мережковский).

Перед докладом вступительную речь произнес Карташев. Стенограмму заседания (выступлений и прений) см.: *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде)*. Т. 1. С. 34.

¹⁴³ См. прим. 52.

¹⁴⁴ Мнение об исторической преемственности РФО и религиозно-философских собраний, инициированных Мережковскими, высказывали многие, в том числе в прессе, однако частью Общества оно не разделялось, в том числе Карташевым, см. текст его вступительной речи: Там же. С. 34; и заметку: «В религиозно-философском обществе» (Речь. 1907. 5 (18) окт. № 235. С. 4).

¹⁴⁵ См. запись от 15 апреля 1907 года и прим. к ней.

¹⁴⁶ Примечание Т. Н. Гиппиус: «пока оно есть подобие тех, ваших».

¹⁴⁷ См. запись 14 ноября 1906 года и прим. 40.

¹⁴⁸ Речь идет о книге Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность»; Фило-софов отозвался на этот сборник критической статьей «На распутье» (Товарищ. 1907. 17 апр. № 244. С. 3).

¹⁴⁹ Подразумевается фрагмент из второй главы («Государство»): «Лишь немногие священ-ники исполняют свой христианский долг, защищают народ и произносят религиозный суд над дикими насилиями реакционного правительства, окончательно потерявшего различие между добром и злом. Св. Синод выбрасывает за ограду церкви этих честных священников, понявших свою миссию не как чиновническую. О, конечно, не мистическая церковь Христова такова, да и кто знает ее истинные очертания» (Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. С. 41). Бердяев имеет в виду недавние события: в октябре 1906 года Синод лишил священни-ческого сана депутатов Государственной думы (от конституционно-демократической партии) отцов Н. В. Огнева и К. И. Афанасьева, которые высказались в пользу амнистии, против смерт-ной казни, участвовали в прениях по Белостокскому погрому; подробнее см.: *Карташев А.* Где голос церкви? // Страна. 1906. 3 (16) окт. № 176. С. 1.

¹⁵⁰ 22 апреля 1907 года Бердяев писал Философову: «В старой Церкви мы не можем полу-чить хлеба жизни, и когда я Вам писал, что иногда готов пойти в православную Церковь за пи-щей, то хотел этим только выразить свой голод и свое недоверие к искусственным, механиче-ским, вымученным опытам» (Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя. С. 307).

¹⁵¹ См. парижское письмо Бердяева к Философову от 15–18 марта 1908 года, которым он фактически разрывал отношения с Мережковскими и Философовым: Там же. С. 317–325.

¹⁵² «Целое» на языке Мережковских — основанная ими неохристианская община.

¹⁵³ Возможно, Т. Гиппиус ошибается, имея в виду среду 11 декабря 1907 года, по другим источникам, заседание РФО состоялось в четверг 12 декабря.

¹⁵⁴ В РФО Н. А. Бердяев читал доклад «Христос и мир: Ответ В. В. Розанову» — отклик на доклад Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д. С. Мережков-ского «Гоголь и о. Матвей»)), который состоялся 21 ноября 1907 года. Текст доклада Бердяева впервые в виде статьи опубликован рядом со статьей Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» под общей рубрикой «Проблемы нового религиозного сознания»: *Русская мысль*. 1908. Кн. 1. С. 42–55; позднее в книге Бердяева «Духовный кризис интеллигенции. Статьи по об-щественной и религиозной психологии. 1908–1909 г.» (СПб., 1910). Стенограмму заседания см.: *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде)*. Т. 1. С. 183–201, 636–637.

¹⁵⁵ Выступление Аскольдова в прениях и возражение Столпнера см.: Там же. С. 201–205, 214–217.

¹⁵⁶ Речь Тернавцева см.: Там же. С. 206–212.

¹⁵⁷ Имеется в виду книга, составленная при ближайшем участии В. В. Успенского: *Тер-навцев В. А.* Букварь для совместного обучения письму, русскому и старославянскому чтению и счету. СПб., 1906. Издание было подготовлено по поручению Синода, предназначалось для церковно-приходских школ (ежегодно переиздавалось вплоть до 1917 года).

¹⁵⁸ Текст выступления Соллертинского: *Религиозно-философское общество в Санкт-Петер-бурге (Петрограде)*. Т. 1. С. 218–219.

¹⁵⁹ См.: Там же.

¹⁶⁰ Т. Гиппиус передает высказывание Аскольдова близко к тексту, см.: Там же. С. 202.

¹⁶¹ Морозов Михаил Владимирович (1868–1938) — журналист, литературный, художе-ственный и театральный критик; выступал с критикой петербургских богоискателей. Текст вы-ступления см.: Там же. С. 212–214.

¹⁶² Степанов Василий Александрович (1871/1873?–1920) — двоюродный брат сестер Гип-пиус по матери, горный инженер; видный деятель кадетской партии, депутат III и затем IV Госу-дарственной Думы; в марте–июле 1917 года товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с 19 мая — управляющий министерством; активный деятель Бело-го движения, участвовал в формировании Добровольческой армии, с 1920 года в эмиграции. См. о нем: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 593–594 (автор ста-тьи: М. Голостевенев); *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 92; *Серков А. И.* Рус-ское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 769–780.

¹⁶³ 16 декабря 1907 года Т. Гиппиус рассказывала об этом же заседании Мережковскому: «Бердяевский доклад читался на последнем собрании. В начале хорошо, п<отому> ч<то> ясно, остро и спокойно. Так можно и живому возражать, не только словам. А Бердяев уже *страшно*: бессильно и стыдно, хочется сказать: „Молчи, молчи, молчи“. Или говори, что сам не знаешь, но вот-де чего душа человеческая *просит*. Вася был на собрании — говорил со мной. Во-первых, он верно сказал, что Бердяев возражал не на доклад, а ведь в этом докладе Розанов хитро спрятался, иезуитом этаким, кто его не знает — по этому докладу и не узнает. Бердяев же возражал Розанову вообще, зная его. Оттого и не в точку, не разбил; со стороны кажется, что он от слабости с ним не сразился. П<отому> ч<то> в этом докладе Розанов удивительно силен. Он нигде в нем не вскрывает и не показывает своих слабостей и своей узости. А Бердяев *против* узости протестует — очевидно и кажутся человеку новому все удары мимоидущими. <...> Последние слова о Духе, слова, живое мясо заедающие — по-моему, только и оправдываются желанием Бердяева отделиться» (*Amherst. Merezkovsky's Papers. Box 4. Folder 23*).

¹⁶⁴ В это время Н. А. и Л. Ю. Бердяевы находились в Париже.

¹⁶⁵ Свое отношение к Бердяеву Андрей Белый высказал в статье «Каменная исповедь. По поводу статьи Н. А. Бердяева „К психологии революции“» (впервые: Образование. 1908. Кн. 8. С. 28–38): «...не до конца консерватор, не до конца радикал; ни направо, ни налево — ни туда, ни сюда; и *как будто* всюду: только *как будто*; *как будто* мистический реалист, а *как будто* и нет; *как будто* теократ, а *как будто* мирнообновленец; *как будто* говорит от лица нового религиозного сознания, а *как будто* и нет. <...> Словом *левое уступление с правым уклоном*» (цит. по: Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология / Изд. подг. А. А. Ермичев. СПб., 2004. С. 195).

¹⁶⁶ 3 февраля 1908 года в РФО состоялся доклад В. Ф. Эрнэ «Идея христианского прогресса». Текст доклада в виде журнальной статьи под заглавием «Идея катастрофического прогресса» (опубл.: Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 142–159, затем в книге Эрнэ «Борьба за Логос» (М., 1911)). 14 февраля 1908 года в РФО слушали доклад В. П. Свенцицкого «Мировое значение аскетического христианства» (опубл.: Русская мысль. 1908. Кн. 5. С. 89–103). Тексты докладов и прений см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 218–244, 638–642.

¹⁶⁷ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) — литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик; с 1905 года приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре русской словесности; преподавал в Женском институте; с 1909 года заведовал отделом критики в журнале «Вестник Европы». Здесь, возможно, приведена кулуарная реплика. Единственное развернутое выступление Адрианова (в прениях по докладу В. В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», 21 ноября 1907 года) на тему аскетизма в христианстве апелляций к Мережковскому не содержало.

¹⁶⁸ 12 марта 1907 года в РФО слушался доклад В. В. Розанова «О христианском аскетизме», в котором он продолжил развивать тему, поднятую в докладе «Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира». Впервые опубликован как ответ Свенцицкому под общей рубрикой «Проблема аскетизма» в журнале «Русская мысль» (1908. Кн. 5. С. 103–110). Текст доклада и прений см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 283–290, 643.

¹⁶⁹ «Санин» (1907) — скандальный роман Михаила Петровича Арцыбашева (1878–1927), снижавший репутацию порнографического, вызвал бурную полемику в критике и стал «модной» темой публичных лекций.

¹⁷⁰ Имеется в виду роман-исповедь В. Свенцицкого «Антихрист» (СПб., 1908), книга подверглась цензурному аресту, тираж был конфискован.

¹⁷¹ Фрагмент датируется по содержанию.

¹⁷² Письмо обращено к Д. В. Философову.

¹⁷³ Речь идет о книге Н. А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность», в которой он развивает темы Мережковских и Философова: религия и мистика, социализм и христианство, анархия и теократия и др. (см., например, статьи в парижском сборнике «Le Tsar et la Révolution», 1907).

¹⁷⁴ «Домашнее» имя В. В. Кузнецова, в «дневниках» Т. Гиппиус часто характеризует его как бессознательного недоросля, случайно примкнувшего к их общине по причине влюбленности в Н. Гиппиус.

¹⁷⁵ Весной 1908 года Кузнецов женился на Л. Д. Бурлюк и оставил коммуну, подробнее см. в нашей публикации: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов.

¹⁷⁶ Речь идет о рецензии: *Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. I. Декаденты и сознание // Русская мысль. 1908. № 2. С. 155–160; перепеч.: Н. А. Бердяев: Pro et contra. С. 182–186. Подразумеваются слова: «А Бердяева, при всей моей к нему любви и уважении, мне хочется упрекнуть за неосторожное обращение со словами» (*Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. I. Декаденты и сознание // Русская мысль. 1908. № 2. С. 158).

¹⁷⁷ Статья Философова «Сиракузы» (Наша газета. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2) была откликом на статью Бердяева «Большая Россия» (впервые: Слово. 1908. 23 февр. (7 марта). № 388. С. 2–3; перепеч.: *Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 84–94), в которой он, подразумевая Мережковских, заявил: «...революционное беснование есть лишь обратная сторона беснования реакционного» (*Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции*. СПб., 1910. С. 90). Вероятно, Т. Гиппиус сочла статью Философова недостаточно жесткой, см.: «Один из первых поборников нео-марксизма в России объявляет, что вся Россия больна, одержима бесом. Революция и реакция — два одинаковых проявления этой болезни. <...> Великие слова „новое религиозное сознание“ и „религиозная общественность“, а потому сил нет смотреть, когда Бердяев играет ими, как мертвыми костяшками. Какая цена абсолютному идеалу, когда он ведет к самодовольному успокоению, к созерцанию чужих „ошибок“, к самому страшному бесу, бесу косности, серединности, плоскости. <...> Бердяев хочет „вымести и убрать“ Россию, но не уготовит ли он этим самым место для нового беса и семи злейших его?» и т. д. (Наша газета. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2).

¹⁷⁸ Речь идет о статье З. Гиппиус «Реша» (Весы. 1908. № 2. С. 73–76), содержащей критический обзор литературно-художественных сборников и альманахов «Шиповник», «Земля», «Факелы», «Новое слово».

¹⁷⁹ Имеется в виду реплика Антона Крайнего в обзоре третьей книжки «Шиповника»: «Андреев и Андреев. Ни хуже, ни лучше. Та же риторика, та же мера антихудожественности... <...> и даже тот же глупый-преглупый герой, — обыкновенный андреевский дурак. Правда, в сборнике „Земля“ Андреев ухитрился написать еще хуже. „Проклятие Зверя“, кажется, не встречено особыми восторгами» (Весы. 1908. № 2. С. 73). З. Гиппиус не принимала творчество Л. Андреева и неизменно отзывалась о его произведениях резко критически, саркастически или уничижительно; см., например, ее статьи: «Человек и болото» (Весы. 1907. № 5. С. 53–56); «Братская могила» (Там же. № 7. С. 58–59) и др.

¹⁸⁰ Рассказ Л. Андреева «Проклятие зверя» (1908) напечатан в первой книге альманаха «Земля» (М., 1908).

¹⁸¹ Пьеса Л. Андреева «Царь Голод» (СПб.: Шиповник, 1908); по выходе из печати запрещена цензурой к постановке.

¹⁸² Пьеса М. Метерлинка «Чудо святого Антония» (1903) в сезон 1906/1907 года шла на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской в постановке В. Э. Мейерхольда (под заглавием «Чудо странника Антония»). Т. Гиппиус была на представлении, см. запись от 30 декабря 1906 года.

¹⁸³ «Б» — часто употребляемое Т. Гиппиус междометие, означающее бессилие перед каким-то событием или фактом.

¹⁸⁴ Возможно, пассаж был инициирован статьей Н. Минского «Леонид Андреев и Мережковский» (Наша газета. 1908. № 1. 16 (29) марта. С. 2–3), в которой тот защищает Андреева от несправедливой и грубой критики Мережковского, апеллируя к его статье «В обезьяньих лапах» (впервые: *Русская мысль*. 1908. Кн. 2. С. 75–98 (1-й паг.)) и др. См.: «Не поняв и не хотев понять трагедии Фивейского, Мережковский не понял и не хотел понять и всех других произведений Андреева. <...> Поистине, рукою Мережковского, когда он писал об Андрееве, водила мстительная или насмешливая судьба, и, говоря о вольном рабстве и сладчайшей тьме небытия, он, сам того не ведая, тончайшим образом определял ту непроглядную тьму и слепоту веры — не добродушно детской, а старчески разогретой, не просто мертвой, но напитанной трупным ядом, в которой Мережковский очутился в конце своих религиозных исканий и куда он считает своей священной миссией завлекать других» и т. п. Примечательна в этом контексте статья Философова «Рассказ о семи повешенных», напечатанная немногим позднее: *Московский еженедельник*. 1908. Июнь. № 23. С. 54–57 (перепеч.: *Философов Д. В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908)*. СПб., 1909. С. 105–109), в которой он неожиданно выступил в защиту Л. Андреева: «Новый рассказ весь пронизан лучами религиозного просветления. В нем нет отчаяния, пессимизма, жалких слов, вообще сентиментальности и жалости. <...> После рассказа Андреева в мире что-то изменилось, пусть на одну йоту, но изменилось. В мире стало больше любви, а зло мира стало еще нестерпимее. <...> Своим „литературным“ произведением Андреев с великой скорбью в душе совершил подлинное дело любви» (Там же. С. 108–109).

¹⁸⁵ Пьеса Л. Андреева «Жизнь Человека» (1907) впервые была поставлена на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской в феврале 1907 года (реж. — В. Э. Мейерхольд).

¹⁸⁶ Бриллианты Тета — бижутерия, фальшивые драгоценности, которые выставлялись в витринах магазина Тета и Кепта на Невском проспекте.

¹⁸⁷ Слово вымарано чернилами.